МЕЧНИКОВ

ИМПУЛЬС ВОЛИ

ИГОРЬ АЛМАЗОВ

&

ВИКТОР МОЛОТОВ

5

Виктор Молотов

Мечников. Том 5. Импульс Воли

«Автор»
«Автор»
2026

Молотов В.

Мечников. Том 5. Импульс Воли / В. Молотов — «Автор», «Автор», 2026

Уважаемые читатели! Это новая редакция серии про попаданца Алексея Мечникова. Казалось бы, чего ещё желать? Завод работает, новые лекарства на подходе, пациенты выздоравливают. Живи да радуйся!Вот только у меня объявился конкурент, который почему-то знает слишком много. Собственная магия потихоньку гробит сердце, а тут ещё ведьма со своими жуткими подарочками нарисовалась.И ведь бросить всё нельзя! Кто, кроме меня, будет двигать медицину вперёд? Так что придётся снова изобретать, лечить и разбираться с неприятностями. А ещё желательно самому при этом не помереть!

© Молотов В., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 14
Глава 3 21
Глава 4 28
Глава 5 35
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Виктор Молотов, Игорь Алмазов
Мечников. Том 5. Импульс Воли

Уважаемые читатели! Это новая редакция серии про попаданца Алексея Мечникова.

Глава 1

«Открытие века! Лекарство от грусти». Заголовок растянулся на половину первой полосы «Хопёрского вестника». Я перечитал его дважды и почувствовал, как у меня заныли стиснутые зубы.

Рабочие стянулись ко мне со всех концов цеха. Ещё минуту назад они раскручивали в центрифуге Щеблетова с Синицыным. Теперь же вся толпа молча заглядывала мне через плечо.

– Ну-ка, ну-ка… – Синицын выхватил у меня газету, пробежался по строкам и побагровел. – Это что же выходит? Мы всю ночь горбатились, а какой-то Павлов уже всё запатентовал?!

– Это другой препарат, Илья. Тот, что мы делали с Сеченовым, – уточнил я. – Речь о нём. До антибиотиков он пока не добрался.

– «Пока»! – передразнил меня Синицын. – Вот именно, что пока!

Сеченов топтался у края цеха и не знал, что сказать. Я поймал его взгляд и жестом попросил газету обратно.

– Читали внимательно, Иван Михайлович? – спросил я, разворачивая лист.

– Дважды, – кивнул он. – Наглец обошёл нас на повороте. Формулу мы шлифовали несколько недель, а он…

– Он даже формулу вывел чужими руками, – перебил его я. – Вот, полюбуйтесь.

Я ткнул пальцем в третий абзац статьи и зачитал вслух.

– «Средство разработано в частной лечебнице господина Павлова в Пензе силами штата лекарей и их помощников». Слышите? Силами штата. У него там целая мануфактура от медицины.

– И что с того? – нахмурился Сеченов.

– Дальше цитата самого Владимира Харитоновича, – ответил я. – «Лекарское дело в империи пора ставить так, как ставят мануфактуры. Одна голова хорошо, а сто голов на жалованье куда лучше». Каково?

– Наглец! – фыркнул Синицын.

– Наглец, который говорит моими же словами, – заметил я.

Неприятная выходит ситуация. Завод, плантации, школа среднего персонала… Я ведь строил в Хопёрске ровно то же самое. Этот Павлов смотрел на медицину моими глазами. Он просто начал раньше и в средствах, судя по всему, стеснялся куда меньше меня.

– А теперь самое интересное, господа, – продолжил я. – «Экспертное заключение о действии препарата подготовил и завизировал член совета Саратовского ордена лекарей господин Крашенинников». Узнаёте фамилию, Иван Михайлович?

– Крашенинников… – Сеченов побледнел. – Так он же принимает заявки на новые препараты!

– Именно. Тот самый совет, который на днях будет рассматривать наши с вами бумаги.

– А если подать бумаги в другой орден? – предложил Синицын. – В Пензенский, к примеру. Или сразу в столицу?

– Не выйдет, – подал голос Щеблетов. – Забыли, как это работает? Завод стоит в Саратовской губернии, значит, и препараты регистрирует Саратов. Столица примет заявку лишь после губернского совета. Порядок такой, и Павлов наверняка знает его не хуже нашего.

– Ага, – хмыкнул я. – Вопрос только в том, почему тогда Павлов регистрирует свой препарат через Крашенинникова.

– Очевидно, дело в связях. Ведь он, получается, делает то, чего не можем сделать мы, – задумался Александр Анатольевич. – Надо бы разузнать… Впрочем, вас это не касается. Этим займусь я. Вызнаю в ордене у своих.

– Стойте, стойте! – Синицын сел на ящик и схватился за голову. – Алексей, а моя-то доля? Тридцать процентов с твоих препаратов, забыл? Выходит, у меня из кармана вынули деньги, которых я и подержать не успел!

– Выходит, так, – подтвердил я.

– Нет, это ни в какие ворота! – Илья вскочил и заходил кругами. – Мало того что пензенский хват на нашем средстве наживётся, так у него ещё и в совете свой человек сидит! Он же завтра точно так же и антибиотики наши…

– Погодите причитать, – остановил всеобщий гул я. – Слушайте главное. Иван Михайлович, когда мы с вами вышли на рабочую формулу?

– Недели две назад, – прикинул Сеченов.

– А статья с готовым патентом выходит уже сегодня. За две недели с нуля повторить чужую разработку, оформить бумаги, получить заключение совета и напечатать статью попросту невозможно. Если, конечно, заранее формулы у тебя нет.

Наступила тишина. Только реактор остывал и пощёлкивал железными боками.

– Вы хотите сказать… – начал Синицын.

– Я хочу сказать, что кто-то из знавших о нашей работе донёс её Павлову, либо ему помог Махаон, – закончил я. – Нас обогнали чужими ногами. Скоростью и связями.

По цеху пробежал ропот. Рабочие переглядывались, перешептывались, и скоро новость облетела всех.

Я понял, что не зря позволил этому разговору случиться прямо здесь, на глазах у всех. Начни мы сейчас прятаться и шушукаться по углам – к вечеру поползут слухи, что завод закрывается, а жалованья не будет. Паника на производстве мне была не нужна.

Мужики у меня работают простые, но они отнюдь не дураки. Понимают, что вскоре у нас и другие препараты могут похитить.

Ещё не хватало, чтобы столько людей начали подозревать друг друга и боялись лишиться работы.

– Так, господа! – повысил голос я. – Подозревать всех подряд мы не станем. О формуле того средства знал очень узкий круг, и завод в этот круг не входит. Работаем дальше. А вот заявку на наши препараты мы подадим уже завтрашним утром.

– Завтра?! – поперхнулся Синицын. – Ты же сам говорил, на неделе…

– Планы поменялись, Илья. Завтра утром сядешь на первый поезд до Саратова и подашь бумаги лично. Из рук в руки, под расписку, с номером входящего журнала. Чтобы потом ни один Крашенинников на свете вдруг случайно их «не потерял».

– А премии рабочим кто выдавать будет? – возмутился Синицын и тут же осёкся под моим взглядом. – Понял. Выдам сегодня.

– Вот и славно, – кивнул я и повернулся к Сеченову. – А с вами нам нужно поговорить наедине.

Я провёл Сеченова через весь цех в дальний кабинет, где раньше сидел директор завода. Запер дверь на ключ и опустился на скрипучий стул.

– Присаживайтесь, – предложил я. – Разговор явно будет непростой.

Сеченов сел напротив, положил шляпу на колени и заговорил первым.

– Алексей Александрович, я должен вам признаться, – произнёс он. – Меня ведь наше с вами средство от тоски волнует меньше всего.

– Вот как? – приподнял бровь я. – Мы потеряли патент. Что же вас волнует сильнее?

– Обидно, конечно. Но патент дело наживное, – вздохнул он. – Я расстроен тем, что прервалась наша совместная работа. Понимаете… я ведь во всю эту гонку ввязался из-за вас.

– Из-за меня? – переспросил я.

– В Петербурге мне было скучно, – признался Сеченов. – Я работал, лечил, читал лекции по кругу. А потом вы запатентовали свои первые изобретения, и я впервые за много лет ощу-

тил, что мне хочется с кем-то состязаться. За два месяца этой гонки мы с вами перевернули пол-лекарского мира! Я приехал в Саратов, а потом и в Хопёрск, потому что восхищался вами, Алексей Александрович. Вот и вся моя страшная тайна.

В горле у меня встал ком. Ирония выходила отменная. Я ведь сам когда-то восхищался Сеченовым, великим врачом из моего прежнего мира. Пусть здешний тёзка того учёного и оказался совсем другим человеком, честь у них, похоже, была общая. Фамильная.

– Тогда предложение напрашивается само, – Сеченов подался вперёд, и стёкла его очков блеснули. – Объединим наши лаборатории. Вдвоём мы ответим этому Павлову так, что он пожалеет о своей прыти. Что скажете?

Я не спешил с ответом. Неделю назад я бы, пожалуй, согласился, и предложение было по-настоящему щедрым.

Вот только полноценный союз означал, что мне придётся показать Сеченову цех, плантации и оба антибиотика. То есть выложить на стол всё, чем я опережал и его, и Павлова.

К тому же наша формула уплыла в Пензу от кого-то из очень узкого круга. Пока я эту щель в своём окружении отыщу, пускать внутрь нового человека было бы верхом легкомыслия.

Да и увидел Сеченов сегодня уже лишнее. Центрифугу, реактор, мешки с сырьём. О том, что именно мы тут производим, он мог пока лишь догадываться, и мне хотелось оттянуть этот момент.

– Я благодарен вам за откровенность, – проговорил я. – И отвечу той же монетой. Объединяться мы пока не будем.

– Почему? – опешил он.

– Потому что формула, которую мы шлифовали вдвоём, оказалась у постороннего человека, – ответил я. – Утечка случилась с вашей стороны или с моей, мне пока неизвестно. И до тех пор, пока я это не выясню, каждый работает сам.

Сеченов медленно выпрямился. Пальцы его стиснули края пиджака так, что ткань хрустнула.

– То есть вы меня подозреваете, – глухо произнёс он.

– Я подозреваю всех, кто знал, – ответил я. – Себя, к слову, тоже проверю. Вдруг проболтался кто-то из моих людей.

– Так возьмите с меня клятву, – глухо сказал Сеченов. – Клятва лекаря на мне и так висит. Одной больше, одной меньше.

– Взял бы, – согласился я. – Только клятва свяжет вас на будущее, а мне нужно знать про прошлое. Толку от неё в этом деле никакого.

– Что ж… – Сеченов поднялся и надел шляпу. – Воля ваша. Я ехал в Хопёрск состязаться с лучшим лекарем губернии. Видимо, придётся тряхнуть стариной. Я вас догоню, господин Мечников. А потом и перегоню.

– Буду только рад, – усмехнулся я. – Соперник вы куда более приятный, чем Павлов.

– Учтите одно, – он взялся за ручку двери и обернулся. – Завтра в семь у нас с вами общее дежурство. И послезавтра. И через неделю. Я живу через забор от вас, Алексей Александрович. Так что подозревать меня вам придётся ежедневно и за одним столом.

– Знаю, – ответил я. – Потому и сказал в лицо, а не за спиной.

Он коротко поклонился и вышел. Я остался в пустом кабинете и растёр пальцами занывшую грудину.

Жаль. Честное слово, жаль. Но найти щель в своём окружении было важнее любого союза.

В цеху меня уже ждали. Синицын восседал за столом и отсчитывал рабочим премиальные, Щеблетов сверял записи, а Игорь Лебедев дремал на груде кирпичей, привалившись спиной к тёплому боку реактора.

– Прогнал наглеца? – спросил Синицын, не отрываясь от денег.

– Проводил, – уклончиво ответил я. – Господа, у нас есть вопрос поважнее Сеченова. Производство.

– А что с ним? – Щеблетов поднял голову от бумаг.

– А то, что второй такой ночи мы не выдержим, – я кивнул на Игоря. – Посмотрите на него. Парень чуть каналы себе не сжёг. Да и вы, Александр Анатольевич, в Хопёрске прописываться не собираетесь.

– Уж простите, – развёл руками Щеблетов. – Меня орден в Саратове ждёт.

– Вот поэтому нам нужны стабильные стихийные кристаллы, – заявил я. – Ледяные и огненные, в соотношении один к двум. Ледяные встанут на кристаллизатор, огненные пойдут на реактор и выпариватель.

– Идея хорошая, только такие кристаллы делают почти исключительно для военных, – возразил Щеблетов. – Стабильные, с регулировкой температуры… На вольном рынке их днём с огнём не сыщешь.

– А нам вольный рынок и не нужен, – улыбнулся я. – Мы пойдём напрямую к военным.

Синицын поперхнулся и рассыпал стопку монет.

– Покупать у военных? – простонал он из-под стола, собирая деньги. – Алексей, ты их цены видел?

– Кто сказал «покупать»? – ответил я. – Мы предложим бартер. Первую партию стрептоцида после регистрации патента отдадим армии. Даром.

– Да-а-аром?! – взвыл Синицын. – Ты же знаешь, у меня от этого слова лихорадка начинается!

– Терпи и слушай дальше. На фронте антибиотик спасёт тысячи раненых. Военные лекари оценят его быстрее любого совета. И вот тогда мы предложим постоянные поставки в обмен на кристаллы. Деньги в этой сделке появятся позже, зато производство вырастет в десятки раз.

– Погоди-ка… – Синицын зашевелил губами, подсчитывая. – На партию стрептоцида уйдёт сырья рублей на сто. А стабильный кристалл дешевле двух сотен не сыщешь, и надо их полдюжины. Выходит, мы отдаём сотню, а получаем на тысячу с лишним. Да за такие деньги второй завод покупают! Алексей! Беру назад всё, что говорил про «даром»!

– Постойте радоваться, – Щеблетов поднял ладонь. – Если весь стрептоцид уйдёт армии, на какие средства мы будем закупать сырьё? Спирт, красители, реактивы… Производство же встанет.

– Не встанет, – ответил я. – Вы забыли про пенициллин. Он пойдёт в продажу. Хлеб, сахар и азот для него достать куда проще. Стрептоцид работает на кристаллы, пенициллин кормит завод. Один препарат обеспечивает производство другого.

– Сдаюсь, – Щеблетов поднял вторую ладонь. – План изумительный. В нём лишь один изъян. Кто из нас, простите, знаком с военным начальством? У меня таких знакомых нет. И знакомых, у которых есть знакомые военные, тоже нет.

Я мысленно перебрал варианты, и выходило их ровно три.

Первый. Мой брат Кирилл, полевой лекарь со связями. Вот только за помощь он затребует обратный виток, а его я брату отдавать не собираюсь. Да и письмо на фронт будет ползти не одну неделю.

Второй путь я видел через Саратов. Там Щеблетов мог месяц расспрашивать знакомых и в лучшем случае вывести меня на какого-нибудь интенданта третьего разряда.

Третий вариант сидел прямо передо мной и пересчитывал монеты.

– Илья, – позвал я. – Твой отец ведь до сих пор в Аткарске?

Синицын замер. Монета выскользнула у него из пальцев и покатилась по столу.

– Ты и про это запомнил… – пробормотал он. – Да, в Аткарске. Барон Андрей Константинович Синицын. Ветеран, легенда и прочее, и прочее. Половина военных чинов губернии у него в должниках.

– Легенда?! – Щеблетов даже привстал со стула. – Илья Андреевич, так вы сын того самого Синицына?

– К несчастью, – буркнул Илья. – Мы с отцом семь лет не разговариваем. Он хотел, чтобы я, как и он, пошёл в армию. Только не боевым магом, конечно, а полевым лекарем. Я отказался и уехал. С тех пор ни писем, ни встреч. Живём в часе езды друг от друга, как на разных материках.

– И всё же это самый короткий путь, – произнёс я. – Поедем к нему вдвоём. Говорить буду я.

– Ты не понимаешь, Алексей, – Илья поднял на меня тяжёлый взгляд. – Отец деньгами платы не берёт. Он назначит свою цену. Захочет, чтобы я отправился на фронт.

– Знаю, – кивнул я. – Поэтому и называю цену вслух, при всех, чтобы потом никто не сказал, что его втянули втёмную. Торговаться я умею, ты видел. Решай сам.

Илья долго молчал, накручивая ус на палец.

– А, поехали, – махнул он рукой наконец. – Семь лет собирался. Может, хоть с тобой за компанию решусь.

– До Аткарска отсюда час поездом, – прикинул я вслух. – Съездим, как только орден подтвердит патент. Являться к барону с пустыми руками смысла нет. А вот с готовым патентом и первой партией разговор пойдёт совсем иначе.

– Вот и договорились, – подытожил я. – Александр Анатольевич, с вас всё же Саратов. Поспрашивайте про интендантов. Запасной ход лишним не бывает.

– Сделаю, – Щеблетов черкнул себе пометку. – Кстати, о запасах. Ампулы у нас на исходе. Мы же их только на первое время брали, на тесты. Я заказывал стекло через саратовских купцов, а те возят его из Никольска, из Пензенской губернии. Тамошний хрусталь лучший в империи, да и простую аптечную посуду там дуют отменно.

– Так закажите ещё, в чём вопрос? – отозвался Синицын.

– В том, что купцы жалуются. Какой-то крупный заказчик из Пензы выкупает у стекольщиков всё подчистую. Лечебница, говорят, новая открылась. Колбы, склянки, ампулы… Всё гребёт.

Ага, а вот и ещё один ход моего новоиспечённого врага.

– Лечебница Павлова, – проговорил я.

– Думаете, он? – Щеблетов сдвинул брови.

– Уверен. Он строит то же, что и я. Производство, лаборатория, свои люди в совете… Только начал раньше. И теперь этот человек прибрал к рукам именно то стекло, в которое мы планируем разливать лекарства.

– И что будем делать? – подал голос проснувшийся Игорь. Он сел на кирпичах и поморщился, растирая предплечья.

– Работать быстрее, чем он строит, – ответил я. – Другого рецепта у меня нет.

– Тогда ставь меня к реактору, – Игорь поднялся. – Пару ночей я ещё вытяну.

– Не вытянешь, – отрезал я. – Я видел твои каналы после смены. Ещё одна такая ночь, и ты у меня сам в пациенты запишешься. Куда тогда денется весь наш огонь?

Игорь помялся и добавил, понизив голос:

– Алексей… Есть ещё один способ выйти на военных. Ты знаешь, о ком я. Гильдия работала с ними не раз.

– Нет, – отрезал я. – Мы не для того хоронили тебя на бумаге, чтобы ты сам явился к бывшим нанимателям. Забудь. Найдём иначе.

– Понял, – выдохнул Игорь, и мне показалось, что выдохнул он с облегчением.

Утром Синицын с бумагами укатил в Саратов, а меня вечером ждало ночное дежурство в госпитале. Я рассчитывал на тихую смену.

Зря.

– Господин лекарь! Помогите, умоляю! – в приёмный зал ввалилась крупная женщина, волоча на себе мужа. – У него же нога скоро отвалится!

Я взглянул на ногу мужика и мысленно присвистнул. Распухла от колена до ступни, кожа натянулась и залоснилась, будто вот-вот лопнет.

Мы с Родниковым перехватили больного и уложили на кушетку.

– Батюшки… – Эдуард отшатнулся и зажал нос. – Алексей Александрович, тут одна гниль! Резать надо. Выше колена, пока до бедра не дошло.

– Погоди ты с ампутацией, – осадил его я и склонился над ногой. – Рассказывайте. Когда поранились?

– Недели две тому, – простонал мужик. – О железку на путях порезался. Думал, само заживёт. Терпел…

– Он у меня путеец, господин лекарь, – вставила женщина, комкая платок. – Ему на службу надо, вот и молчал. Я ему говорю: покажись лекарю, а он всё «пройдёт да пройдёт»…

– Жар давно у него? – спросил я, прикладывая ладонь ко лбу больного. Кожа полыхала.

– Третий день горит. А сегодня уже и бредить начал.

– Дотерпелись, – вздохнул я, ощупывая горячую плотную ткань. – Эдуард, смотри и запоминай. Разлитое гнойное воспаление подкожной клетчатки. Флегмона. Границ у неё нет, ползёт вширь и вглубь. Ещё пара дней, и гной расплавил бы мышцы до самой кости. Но эта пара дней у нас есть, поэтому ногу мы сохраним.

Я выпрямился и кивнул Родникову на дверь.

— Выйдем на пару слов, коллега.

Мы вышли в коридор, и я плотно прикрыл за нами створку. Не хватало ещё, чтобы пациент с женой слушали наши споры о методах лечения. Да и заводские дела при чужих ушах обсуждать точно не стоило.

– Чем лечить будем? – Родников покосился на дверь кабинета, где осталась моя сумка. – У вас же там эти… новые ваши препараты. Анти-би-о-тики. Вы говорили: они любую заразу…

– Говорил. И лежат они в двух шагах, – ответил я вполголоса. – Но применять их я не стану.

– Почему?!

– Потому что сегодня утром мы подали заявку в Саратовский орден. Пока совет её не утвердил, применение незарегистрированного препарата станет подарком для всякого, кто ищет, к чему придраться. А ищут, поверь, очень внимательно. Одна жалоба, и заявку похоронят вместе с заводом. За мной два десятка рабочих, Эдуард. Рисковать их жалованьем ради экономии собственных сил я права не имею.

– Так что же, всё-таки пилить? – Родников с надеждой потянулся к карману, где носил хирургический набор.

– Тебе бы всё пилить, – хмыкнул я. – Обойдёмся. Скальпель, спирт, дренаж. Гной выпустим, полость промоем. А с бактериями я разберусь по-своему. Идём.

Я первым вернулся в приёмный зал и подошёл к кушетке.

Затем дал больному обезболивающее, выждал, пока подействует, и взялся за скальпель.

– Эдуард, лампу ближе. И таз подставь, – распорядился я. – Сейчас польётся.

– Может, я лучше за дверью постою? – просипел Родников, но лампу поднёс.

– Стой, где стоишь. Ты лекарь или барышня на выданье? Смотри, разрез веду по ходу мышечных волокон, вдоль. Запоминай, тебе такое ещё не раз встретится.

Я вскрыл флегмону, выпустил дурно пахнущую жижу и промыл полость антисептическим раствором. Родников позеленел, но выстоял и даже подал дренаж почти вовремя.

Оставалось самое неприятное.

Обратный виток. Антилекарская магия выжигала бактерии почище всякого пенициллина. Вот только счёт за неё выставляли моему собственному организму.

Я активировал виток и прошёлся разрушающей силой по воспалённым тканям, выбивая заразу. Следом пустил прямой, выровнял тонус сосудов и запечатал рану.

– Всё, – сообщил я пациенту, стягивая перчатки. – Жить будете, ходить тоже. Неделю лежать, повязки менять утром и вечером.

– Дай вам Грифон здоровья, господин лекарь! – всхлипнула женщина.

– Ещё успеете поблагодарить, – ответил я. – И вот ещё что. Увидите, что муж ваш снова геройствует и терпит, ведите его сюда силой. В следующий раз никакая магия эту ногу уже не спасёт.

– Доведу! – закивала она. – За шкирку приволоку! Сами только не болейте. Ещё раз, здоровья вам!

Здоровья. Я мысленно усмехнулся. Этой ночью пожелание пришлось как никогда к месту. Я чувствовал себя дурно и сам уже догадывался почему.

Мужик с флегмоной оказался четвёртым за смену пациентом, у которого я выжигал заразу антилекарской силой. Сначала роженица с загноившимися швами, потом мальчонка с абсцессом за ухом, следом дед с рожистым воспалением. И вот теперь путеец.

Четырежды за одну ночь я пускал в ход обратный виток. Предупреждение отца помнил. Но незарегистрированный антибиотик сейчас мог похоронить завод, а оставить в больном инфекцию я не мог. Приходилось платить собой.

Чаша моя к этому часу просела едва ли не наполовину. Мана восстановится, дело привычное. Меня тревожило другое.

До кабинета я не дошёл. В коридоре пол вдруг качнулся, я споткнулся на ровном месте и еле успел схватиться за дверную ручку.

Сердце жгло. Пульс сорвался и понёсся вскачь так, будто я залпом выпил ведро кофе. В висках застучало, к горлу подкатила тошнота.

– Алексей Александрович! – Родников подскочил и подхватил меня под локоть. – Что с вами?! На вас лица нет!

– Тихо, Эдуард… – процедил я сквозь зубы, прислушиваясь к тому, что творилось в груди. – Дай подумать.

Так. Ритм скачет, удары выпадают. То ли экстрасистолия, то ли пароксизм похуже. Я уже потянулся к лекарской силе – и остановился. Что именно ей приказывать? Замедлить ритм? Поправить проводимость? Воздействовать на миокард? Магия за меня диагноз не поставит, а лечить сердце вслепую я не собирался.

Отец предупреждал меня ещё в столице: антилекарская сила бьёт по сердцу своего же носителя, и удары её копятся. Похоже, четыре раза за ночь оказались моим пределом.

– Сумку, – скомандовал я. – Боковой карман, тёмная склянка.

Родников метнулся, притащил сумку и дрожащими руками выудил склянку. Я отмерил дозу пульсурежающего раствора и проглотил. Горечь обожгла язык, зато через минуту сердце начало нехотя подчиняться.

– Вам нужно лечь! – засуетился Эдуард. – Я позову Кораблёва, я…

– Никого ты не позовёшь, – перебил его я, выпрямляясь. – Переутомился, только и всего. Иди проверь нашего флегмонозного друга. Это распоряжение.

Только Родников с места не сдвинулся. Впервые за всё наше знакомство этот пугливый парень смотрел на меня в упор и упрямо мотал головой.

– Пациента я проверю, – проговорил он. – А потом принесу вам воды и сяду под дверью вашего кабинета. До самого утра. И гоните меня хоть всей своей магией, никуда я отсюда не уйду.

– Ну и упрямец же ты, Эдуард, – выдохнул я. – Ладно. Сиди.

В кабинете я опустился в кресло и прислушался к собственной груди. Раствор работал, ритм выравнивался. Вот только полагаться на склянки и удачу я впредь не собирался.

Сердце требовалось видеть. Каждый зубец, каждый сбой. Чёрным по белому, на бумажной ленте. В моём прежнем мире для этого служил простой и гениальный прибор.

– Всё, Мечников, решено, – сказал я самому себе. – Хватит откладывать то, что я задумал ещё после разговора с отцом. Завтра берёмся за электрокардиограф.

И стоило мне это произнести, как сердце сорвалось и заколотилось с удвоенной силой.

Только на этот раз от приятного азарта!

Глава 2

Да что ж такое!

Сердце в моей груди спотыкалось, частило, замирало на полтакта и пускалось вдогонку за самим собой. Неужели я нанёс ему настолько непоправимый ущерб? Не мог же обратный виток за один вечер вызвать у меня такую устойчивую некупирующуюся аритмию?

Мог, как выяснилось. Четырежды за ночь я выжигал заразу антилекарской силой, и вот счёт за услугу.

Зараза! Чуть не допустил ошибку. Кровь отлила от мозга, мысли рассыпались, и я едва не бросился лечить, не разобравшись. Пришлось усилием воли привести мысли в порядок.

Если аритмия разгонится, начнётся нарушение гемодинамики. Кровь перестанет доходить туда, куда положено, мой головной мозг лишится питания и либо погибнет, либо переживёт необратимые изменения. Терять его я не собирался. Мозг у меня в этом мире единственный ценный актив, всё остальное наживное.

Электрокардиограф на коленке не собрать. На него нужны недели, материалы и мастер по кристаллам, которого у меня пока нет. Значит, ищем другой способ. А для начала выясним, что именно творится в груди.

Аппарата нет, зато есть уши и пальцы. Фонендоскоп у меня в сумке, лучевая артерия на запястье. Точной картины они не дадут, но подскажут, куда бить и чем.

В дверь стукнули.

– Алексей Александрович, воды принёс, – доложил Родников из коридора. – Я под дверью, как обещал.

– Занеси и иди проверь путейца, – отозвался я. – Это распоряжение, Эдуард.

– Так путеец спит уже, – возразил Родников. – Жар спал, повязка сухая.

– Тогда проверь остальных. Всех до одного, Эдуард. Список на столе. За меня не беспокойся.

Он поставил кружку на край стола, посопел с самым осуждающим видом и вышел. Вот и славно. Свидетели мне сейчас ни к чему. А список займёт Эдуарда до самого рассвета.

Я надел фонендоскоп и принялся выслушивать себя.

На верхушке, в пятом межреберье, творилось форменное безобразие. Сквозь ровные тоны то и дело прорывались внеочередные сокращения. Сердце сжималось ровно тогда, когда ему полагалось отдыхать, и делало это часто. По звуку выходило, что шалят желудочки, нижние камеры, которые гонят кровь в большой и малый круги.

Я прижал пальцы к запястью и сравнил. Часть ударов до лучевой артерии попросту не доходила. Диагноз сложился окончательно.

Множественная желудочковая экстрасистолия. Дрянь редкостная. В моём прежнем мире человека с такой картиной сразу укладывали в кардиологическое отделение под мониторы – тут уже было не до разговоров. Мне же приходилось обходиться собственным кабинетом и кружкой воды.

И вот что стало ясно заодно. Пульсурежающий раствор, который я проглотил час назад, оказался ошибкой. Я принял аналог дигоксина, яда наперстянки. Он урежает ритм и усиливает выброс из желудочков, только при экстрасистолии от него никакого проку. В худшем случае я сам подлил масла в огонь.

Будь передо мной пациент с такими жалобами, я учёл бы это в первую же минуту. А стоило недугу коснуться меня самого, и мышление поплыло. Недаром говорят, что даже лучший врач сам себя лечить не умеет.

За тридцать лет прошлой жизни я потерял одного-единственного пациента. Трепетание предсердий. Лекарства не сработали. К дефибриллятору я не успел, потому что был занят другими больными. Один за тридцать лет. И вот теперь я сидел ночью в запертом кабинете, слушал собственную аритмию и был занят, разумеется, другими больными.

Иронично вышло. И поучительно.

При таком раскладе полагаются бета-блокаторы либо калий. Аналог бета-блокатора у меня имелся: ещё в январе я выделил его из растения, которое нашёл среди трав Апраксина, и отложил на складе госпиталя. Для больных с нарушением сердечного ритма. Что ж, один такой больной как раз объявился.

Я поднялся, переждал качнувшийся пол и пошёл на склад. По дороге меня заметно вело в сторону, словно пьяного мастерового, но до цели я добрался и проглотил несколько ложек горького порошка.

Оставалось ждать. Занятие для врача самое отвратительное, поэтому я занялся делом и разложил задачку по полочкам.

Аритмия купируется лекарствами, но излечивается только устранением причины. А сидела причина у меня в левой руке и звалась обратным витком.

Простейший выход лежал на поверхности, и звали его Кириллом Мечниковым. Отдать виток старшему брату – и одним махом закроются обе беды. Сердце получает покой, я — выход на военных, а армия — полевого лекаря с разрушительной силой в придачу.

Заманчиво. И никуда не годится.

Во-первых, я лишусь главного средства самозащиты, а желающих проверить меня на прочность в этой губернии по-прежнему хватает. Во-вторых, я подарю родному брату силу, которая исподволь убьёт его самого. Кирилл привык работать с ранами, ожогами и контузиями. В тонкостях внутренних болезней он смыслит мало и отдачу по сердцу заметит тогда, когда лечить будет уже поздно.

Нет. Виток остаётся при мне. А вместе с ним остаётся и счёт, который он выставляет.

Через двадцать минут сердце нехотя присмирело. Внеочередные сокращения поредели, потом стихли совсем. Я выждал ещё немного. Теперь, когда причина сбоя была понятна, можно было действовать прицельно.

Я тонкой струйкой влил в миокард лекарскую силу, выравнивая проводимость и возбудимость сердечной мышцы. В следующий раз аритмии придётся постараться, чтобы меня свалить.

В следующий раз. Вот что тревожило по-настоящему. Он наступит обязательно, потому что от обратного витка мне не отказаться. Иначе не убить ни стрептококк, ни некротику.

«Быстро справился».

Голос прозвучал прямо у меня в голове, и по затылку пробежали знакомые мурашки. Гигея. Являться богиня не стала, ограничилась смешком.

«Помогать не стану, даже не проси. Мне куда любопытнее посмотреть, как ты сладишь с избранником моего брата. Постарайся меня не разочаровать, Мечников».

– И тебе доброй ночи, – пробормотал я в пустоту.

Значит, мана – пожалуйста, а сердце – моя личная забота. Что ж, честно. Я и не привык рассчитывать на богов. Я привык рассчитывать на приборы и на самого себя.

С ума сойти. Двадцать пять лет от роду, а сердечный стаж уже коплю! Доигрался с магией. Впредь придётся считать не только ману, но и удары сердца.

Остаток ночи прошёл тихо. Под утро я задремал за столом, а разбудил меня стук в дверь.

– Вы, часом, тут не поселились? – спросил Кораблёв вместо приветствия. – Ночь выдалась тяжёлая?

– Бывали и полегче, Иван Сергеевич. Один мужчина чуть ноги не лишился.

– Наслышан, Родников мне все уши прожужжал, – главный лекарь оглядел меня цепко, как оглядывают больного. – А вас в амбулатории уже ждут. Решетов в стационаре, Родников после ночного дежурства еле на ногах стоит, стало быть, принимать вам и Сеченову.

Опять с конкурентом работать. Ну что ж такое!

– Приму.

– И вот ещё что, – Кораблёв задержался в дверях. – Домой сегодня уйдёте вовремя. Хоть на носилках вас выносить придётся. У меня в амбулатории лекарей мало, чтобы ими разбрасываться.

В коридоре амбулатории набился народ. Сеченов уже стоял у своего кабинета, свежий, выбритый, застёгнутый на все пуговицы. Он поклонился мне ровно на ту глубину, которую предписывает вежливость, и ни на волос ниже.

– Доброе утро, Алексей Александрович. Вы, я вижу, дурно спали.

– Ночное дежурство, – ответил я.

– Разумеется. – Он смерил меня взглядом поверх очков. – Могу взять на себя тяжёлых. Вам сегодня лучше бы ограничиться простыми случаями.

Заботливый какой. Вот только глаза у него при этом оставались цепкими и любопытными. Соперник прощупывал, насколько я ослаб, и любезно предлагал самому это продемонстрировать.

– Благодарю за участие, – улыбнулся я. – Примем, как обычно. По очереди.

– Как угодно. – Сеченов взялся за ручку двери и всё-таки не удержался. – Синицын, я слышал, повёз бумаги в Саратов. Стало быть, ваши заявки нынче лягут на стол совета. Любопытно только, к кому они попадут.

– На Крашенинникова ставите?

– Ставлю, – кивнул он. – И сочувствую вам совершенно искренне. Мне бы такого сочувствия никто не оказал.

Он скрылся у себя, а я отправился к своим больным, обдумывая последнюю фразу.

Сеченов ведь прав. Его заявки в своё время проходили через тот же совет.

Поначалу люди шли с ерундой. Дед с прострелом в пояснице, торговка с изжогой, мальчишка с ячменём. Я купировал их недуги, почти не тратя маны, и потихоньку возвращал себе рабочий настрой.

Продолжалось это до тех пор, пока дверь ко мне не распахнулась. Стучать никто не стал.

На пороге стоял Сеченов. За его спиной мялся хорошо одетый мужчина средних лет.

– Прошу прощения, что прерываю, – произнёс Иван Михайлович тоном человека, которому этот визит дался недёшево. – Мне нужно ваше мнение. Пациент любопытный.

– Проходите.

– Грудная жаба, – объявил Сеченов, пока мужчина усаживался. – Картина классическая. Утомляемость, одышка, жгучая боль за грудиной. Я уже собрался лечить, да одна деталь меня смущает, и я хочу, чтобы вы её услышали.

– Здравствуйте, уважаемый Алексей Александрович, – произнёс пациент. – Мне говорили, вы очень хорошо разбираетесь в лекарском деле… Простите, господин Сеченов, я никого не хотел задеть.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Геннадий Фёдорович Шорохов. Вы ведь раньше жили в Санкт-Петербурге, может, слышали мою фамилию. Мой род занимается литературой. Написанием книг, печатью, распространением и прочим в том же духе.

Любопытно, за что могли выгнать из рода человека, который занимается книгами. Однако Шорохов поделился сам.

– Понимаю, каким вопросом вы сейчас задаётесь, – вздохнул он. – Я писал статьи про нашего императора. Скажем так, статьи вышли недостаточно лестными. Хорошо хоть в Хопёрск угодил, а не в Сибирь.

Это многое объясняло. Очередной угасающий дворянин, занесённый в наш городок той же метлой, которая когда-то занесла сюда и меня.

– Расскажите про деталь, которая смутила Ивана Михайловича, – попросил я.

– Лихорадка, – ответил за него Сеченов. – Грудная жаба жара не даёт. А господина Шорохова знобит и трясёт которую неделю.

Вот именно. Стенокардия, которую здесь окрестили грудной жабой, с температурой не дружит. Сеченов молодец, что споткнулся об эту деталь. И вдвойне молодец, что переступил через гордость и притащил больного ко мне.

– Может, тут две болезни разом? – предположил Иван Михайлович. – Жаба сама по себе, а жар от скрытой чахотки. Такое сочетание я в столице встречал дважды.

– Проверим. Кашель есть? По ночам потеете? Худеете?

– Кашля нет, – удивился Шорохов. – И сплю сухо. А вот сил нет совершенно, тут вы правы.

– Чахотка отпадает. Без кашля и ночных потов ей делать нечего. – Я повернулся к пациенту. – А кроме сердца, жара и слабости что-нибудь беспокоит? Живот, руки, ноги, голова?

– Верно подметили, суставы ломит жутко, – сказал Шорохов. – А ещё горло. Пылающая боль в зеве, будто кипятка глотнул. Думал, простудился. Только тянется это уже больше месяца.

– Горло? – Сеченов нахмурился. – При чём тут горло, любезный? Мы про сердце говорим.

– При том, Иван Михайлович, что с горла всё и началось. Геннадий Фёдорович, снимите, пожалуйста, рубашку.

Шорохов покорно оголил торс, и я увидел подтверждение своих подозрений.

Кольцевидные пятна на груди. Красные овалы с бледной серединой.

– Вас это покраснение совсем не смущает? – не без иронии поинтересовался я.

– Да я и внимания не обращаю, – пожал плечами Шорохов. – У меня часто разные сыпи выскакивают. Привык уже.

– А вы что скажете? – Я обернулся к Сеченову.

– Скажу, что впервые такое вижу, – честно ответил тот, разглядывая пятна. – На крапивницу не похоже, на лишай тоже… Алексей Александрович, вы ведь уже поняли, что это. По лицу вижу.

Понял. Передо мной была классическая картина ревматической болезни сердца – хоть в учебник помещай. И главная улика пряталась даже не в боли и не в лихорадке. Уликой был тот самый фарингит месячной давности.

– Смотрите, Иван Михайлович, как выстраивается цепочка, – начал я. – Месяц назад в больном горле поселились стрептококки. Бактерии эти хитрые, они умеют прикидываться тканями самого человека. Телесная стража месяц искала врага, запуталась и принялась бить по своим. По оболочкам сердца. По суставам. По коже – вот вам и пятна. Жар идёт от того же сражения.

– Постойте… – Сеченов медленно выпрямился. – То есть тело воюет само с собой? И сердце ему губит его же собственная стража?

– Именно. Поэтому лечить тут нужно в две руки. Успокоить стражу и починить сердце – это раз. Вычистить из глотки заразу, с которой всё началось, – это два. Иначе через месяц всё повторится.

– Господа, – жалобно подал голос Шорохов, – а можно по-русски? Я жить-то буду?

– Будете, – уверил его я. – И жить, и писать, и печатать. Ложитесь на кушетку.

Я восстановил оболочки сердца, снял воспаление с суставов и успокоил взбунтовавшуюся телесную стражу. Лекарской силы ушло немного. А дальше начиналось то, чего я всю ночь себе обещал избегать.

Стрептококка мало утихомирить, его нужно убить. Обычные средства берут эту бактерию с трудом, слишком много у неё защитных хитростей. Зато обратный виток заставляет её лопаться, как воздушные шарики.

Либо я оказываю половину помощи, либо трачу то, что тратить мне сейчас нельзя. Выбор, прямо скажем, небогатый. Клятва лекаря половин не признаёт, да и я их не признаю.

– Сейчас будет странное ощущение, – предупредил я. – Горлу станет горячо. Не глотайте и не дёргайтесь.

– А оно… не опасно? – Шорохов вжался в кушетку. – Магией по горлу всё-таки…

– Опасно болтать во время процедуры. Молчите и дышите носом.

Я накрыл ладонью его горло и пустил разрушающую силу. Пять минут тонкой работы, и в глотке Шорохова не осталось ни одной живой твари.

В груди у меня знакомо дёрнуло. Раз, другой. Я задержал дыхание, переждал. Отпустило.

– У вас рука дрожит, – негромко заметил Сеченов.

– Устал.

– Разумеется, – так же негромко произнёс он.

И я спиной почувствовал, что этот разговор не закончен.

– Господин Мечников! – Шорохов сел на кушетке, прислушиваясь к себе. – Мне гораздо лучше! Горло! Не болит горло! Даже не знаю, как вас отблагодарить. И вас, и господина Сеченова!

– Отблагодарить, говорите. – Я стянул перчатки и посмотрел на него внимательнее. – Геннадий Фёдорович, а скажите: своим книжным делом вы по-прежнему занимаетесь? Печатать вы здесь, в Хопёрске, можете?

– Станок перевёз, – удивился он. – Пресса толком нет, наборщика нет, бумагу возят раз в месяц… Но при желании могу. А что вас интересует, если не секрет?

– Пока не знаю, – честно сказал я. – Но у одного моего конкурента газеты выходят, когда ему нужно, и пишут то, что ему выгодно. А у меня нет ни единого человека, который умеет обращаться с печатным словом. Чувствуете несправедливость?

– Как никто в этой губернии, – с чувством ответил Шорохов. – Господин Мечников, для вас что угодно и в любой час. Столичные газеты я, к слову, получаю раньше всех в городе. Ворон у меня прикормленный, почтовый. Выйдет что-нибудь про вас или про вашего конкурента, вы узнаете первым.

Вот это уже был разговор. Этот случай принёс мне не только вылеченного пациента. У меня появился свой печатник и свой канал новостей.

Посмотрим, Павлов, чьи газеты выйдут раньше!

– И вот ещё что, Геннадий Фёдорович, – окликнул его я. – Через месяц придёте показаться. Даже если ничего болеть не будет.

– Так ведь вылечили же!

– Вылечил. А болезнь эта любит возвращаться. Запишу вас на повторный осмотр. Придёте?

– Приду, – серьёзно кивнул Шорохов. – Раз велено, приду.

Он ушёл, кланяясь через каждые два шага. Сеченов задержался в дверях.

– Ревматическая болезнь сердца, – повторил он, пробуя слова на вкус. – Я бы лечил ему сердце месяц и погубил бы. А всё дело в горле… Откуда вы это знаете, Алексей Александрович?

– Много читаю.

– Много читаете. – Сеченов усмехнулся безо всякой весёлости. – Что ж. Благодарю за консультацию. Счёт, полагаю, выставлять не станете.

– Непременно стану. С вас следующий любопытный пациент.

Он хмыкнул, поклонился и вышел.

Дверь за ним закрылась, и я позволил себе выдохнуть.

Итого двое. Родников видел, как я хватаюсь за стену, и всю ночь просидел у моего кабинета. Сеченов видел дрожащую руку и слышал, как я вру про усталость. Первый смолчит, потому что предан. Второй – потому что лекарь, а гордость не позволит ему трепать чужой диагноз.

Смолчат оба. Вопрос лишь в том, надолго ли.

Да, Иван Сеченов не так прост.

Упрямый, гордый, обиженный. И всё-таки притащивший больного к сопернику, потому что честь лекаря у него оказалась выше самолюбия. Нет, Иван Михайлович. Такого соперника я никакому Павлову не отдам.

После Шорохова пошли простые. Женщина с застарелой мигренью, кузнецов подмастерье с ожогом предплечья, старуха, которой я третий месяц держал в узде подагру. На каждого уходило по три-четыре минуты и по капле маны.

И на каждом я ловил себя на одном и том же. Раньше мне в голову не приходило считать, сколько раз за приём я тянусь к левой руке. Теперь считал. Ни разу за весь день обратный виток мне не понадобился, и это стало лучшей новостью со вчерашнего вечера.

Приём я закончил в четвёртом часу. Наказ Кораблёва я помнил, только домой всё равно не пошёл. У человека, который построил производство, отдых случается по остаточному принципу.

Ноги сами понесли меня на завод.

В цеху пахло спиртом и горячим железом. Игорь Лебедев, отоспавшийся и повеселевший, гонял пламя под реактором на малой мощности.

– Как каналы? – спросил я с порога.

– Ноют, – честно ответил Игорь. – Но держат. Я на треть силы работаю, как ты велел.

– Вот и держи треть. Через неделю посмотрю ещё раз.

А посреди прохода стояли двое, и по их виду я сразу понял: что-то произошло.

Синицын держал в руке лист с гербовой печатью и сиял, как начищенный самовар. Щеблетов же стоял рядом, глядя в пол, и выглядел совсем иначе.

– Алексей! – Илья рванул мне навстречу. – Всё! Дело сделано, да-с! Обе заявки зарегистрированы! И пенициллин, и стрептоцид приняты к рассмотрению, расписка вот, номер входящего вот, число вот. Из рук в руки, как ты и велел. Пусть теперь попробуют потерять!

– Молодец, – искренне сказал я, разглядывая печать. – А чиновник кто?

– Крашенинников, кто ж ещё, – фыркнул Синицын. – Кислый такой господин, будто ему лимон в чай положили. Бумаги принял, номер поставил, всё чин по чину. Я ему ещё сказал, что заверенную копию бумаг оставил в столичной канцелярии на хранение, вот тут его и перекосило.

– И всё? Никаких проблем? – уточнил я.

– Ну вообще-то… Ещё я там кое-что подметил, – понизил голос Илья. – Пока я в приёмной сидел, к Крашенинникову дважды забегал письмоводитель. И оба раза с бумагами не нашими. Уж больно он торопился.

– Мало ли какие у человека дела.

– Мало ли, – согласился Синицын. – Только я потому и отправил копию в столичную канцелярию.

– Копию? Ты отправил копию в столицу?! – оторопел я.

Такой задачи Синицыну я не давал.

– А как же! — Илья самодовольно расправил усы. — Ты же меня знаешь, Алексей. Если вопрос касается бумаг и денег, я непобедим. Рассматривать её там до решения нашего совета не станут, зато дата, печать и второй экземпляр теперь лежат в столице. Пусть у Крашенинникова хоть трижды рука дрогнет — оригинал бесследно уже не исчезнет.

Вот за это он и получает свои тридцать процентов. Я хлопнул Синицына по плечу и повернулся к Щеблетову.

Александр Анатольевич за всё это время не сказал ни слова. Он поднял на меня свои холодные синие глаза и молча положил на верстак сложенную вчетверо газету.

– Прежде чем вы начнёте радоваться дальше, – сказал он, – скажите, Алексей, кто такой Шорохов.

– Быстро же слухи ходят.

– В городе на пять тысяч душ они ходят быстрее ворона. – Щеблетов поморщился. – Мне не нравится, что вы привлекаете новых людей в наше сообщество. Ссыльный писака, которого выставили из рода за статьи об императоре. Прекрасный выбор, что тут ещё скажешь.

– Мне нужен человек с печатным станком, Александр Анатольевич. У Павлова газета пишет то, что ему угодно. А мы с вами читаем её наутро вместе со всей губернией. Спешу заметить, что я и сам изгнанник. Или моё присутствие вас тоже смущает?

– Не смущает, прекратите городить чепуху. А всё остальное, что вы сказали… Резонно, согласен, – нехотя кивнул он. – И всё-таки проверьте его. Я нынче тоже был в Саратове, по делам ордена, и кое-что там узнал. – Он помолчал. – Вы газетку всё-таки гляньте. Развернёте сами, Алексей, или мне зачитать?

Синицын нахмурился, но к газете не подошёл.

Я первым развернул лист.

И тут же понял, о чём говорил Щеблетов.

Мой главный враг Павлов сделал следующий ход.

Глава 3

«Владимир Харитонович Павлов дарит империи исцеление желудка!»

Заголовок был набран так крупно, что его, наверное, читали с другого берега Хопра. Ниже шли три изображения коробочек с порошками и длинная хвалебная статья.

– Схема лечения язвенной болезни, – произнёс я вслух, пробегая по строкам. – Три порошка. Первый убавляет выделение кислоты в желудке. Второй гасит ту кислоту, что уже скопилась. Третий покрывает стенки защитной плёнкой. Принимать по расписанию, лекарь не нужен.

– И что, это работает? – спросил Игорь.

– Работает, – признал я. – Связка грамотная. В моих книгах ровно так язву и лечили.

А точнее – так лечили её в моём мире. Другими словами, Павлов каким-то образом создал ингибитор протонной помпы, антацид и гастропротектор.

Первый уменьшает количество соляной кислоты, и в моём мире самым известным таким примером был «омепразол». Второй обезвреживает кислоту, связываясь с ней в безопасные химические соединения. Этим веществом обычно выступают хитрые соли алюминия. А последний – мой любимый.

Висмута калия дицитрат. Название сложное, а схема действия предельно простая. Обыкновенный щит на слизистой, который не даёт кислоте желудок переварить.

– То есть он опять нас обошёл? – Синицын скомкал было газету, но опомнился и разгладил. – Сначала средство от тоски, теперь желудок!

– Хуже другое, – негромко вставил Щеблетов. – Считайте сами. Заявку он подал в среду. А одобрили её нынче утром, в пятницу. Мои бумаги в этом ордене лежали по четыре месяца. Пока мы ждём своей очереди, он успеет провести ещё пять таких схем. С этой скоростью не тягаются, Алексей. Её не обогнать.

– А я и не собираюсь её обгонять, – ответил я. – Бегать наперегонки с человеком, у которого свой судья на финише, занятие пустое. Мы побежим по другой дорожке.

– И всё же… – вздохнул Синицын. – Да что ж у него за голова такая?

– Голова тут ни при чём, Илья. У него куча голов на жалованье, он сам об этом в газетах пишет. Вопрос в другом. – Я постучал пальцем по заголовку. – Кому он эти порошки продавать собрался?

– Как кому? – не понял Синицын. – Язвенникам!

– А как язвенник узнает, что он язвенник? – я едва сдержал ухмылку.

В цеху повисла пауза. Щеблетов первым сообразил, куда я веду, и прищурил свои ледяные глаза.

– Живот болит у половины губернии, – медленно проговорил он. – Гастрит, язва, желчные колики… Жалобы у всех одинаковые.

– Именно. Язвенную болезнь выставляют на вскрытии. Покойнику порошки Павлова уже без надобности. – Я сложил газету. – Он сделал ключ, господа. А замка, к которому этот ключ подходит, никто в глаза не видел. Вот замок мы и покажем!

– Это как же? – опешил Синицын.

– Соберём прибор, которым можно заглянуть в живой желудок. Тонкая гибкая трубка, свет и оптика. Пациент её проглатывает, а лекарь смотрит изнутри и ставит диагноз наверняка. Никаких гаданий, никаких вскрытий.

– Прогло… – Илья поперхнулся. – Трубку? Живой человек? Добровольно?!

– С обезболиванием глотки. Неприятно, страшно, но потерпеть можно. Зато мы таким образом кучу болезней выявить сможем до того, как они успеют развернуться в полную силу,

– я повернулся к Щеблетову. – Александр Анатольевич, и вот что ещё. Когда прибор будет готов, о нём выйдет статья. Наша статья, в нашей газете, у нашего печатника. Пусть губерния прочтёт, что порошки лечат вслепую, а в Хопёрске, в отличие от Пензы, появится возможность видеть, что и когда лечить.

– С орденом в печати не воюют, Алексей, – предостерёг Щеблетов.

– А мы и не воюем. Мы просвещаем. Ни одного худого слова про совет, ни одной фамилии. Только наука. – Я улыбнулся. – Придраться будет не к чему. А читатель выводы сделает сам.

– Хитро, – признал он. – Тогда уж и я вставлю слово. Статью перед печатью покажете мне. У ордена нюх на крамолу, я знаю, что их настораживает.

– Договорились.

– Погодите, погодите. – Синицын оторвался от газеты, и глаза у него сделались несчастными. – Я тут прикинул. Порошки идут по полтине за коробку, курс из трёх коробок. Ежели их станет брать хотя бы каждый сотый в губернии… Это же тысячи рублей, господа. Тысячи! И все мимо нас!

– Не мимо, Илья. – Я забрал у него газету. – Кто ставит диагноз, тот и назначает лечение. Научимся видеть язву первыми, и его покупатель сначала придёт к нам. А там уж мы решим, чьи порошки ему пить. К тому времени, глядишь, и свои появятся.

– Свои… – Синицын мечтательно прикрыл глаза и тут же встрепенулся. – Так чего мы ждём? Когда прибор будет?

– Спроси меня в понедельник. Суббота и воскресенье у нас выходные, вот я их и потрачу с толком.

Синицын слушал нас, и усы его воинственно топорщились. Ему явно понравилось, что мы больше не обороняемся.

Да, мы переходим к атаке.

С ним, к слову, у меня оставался ещё один разговор. И откладывать его я не стал.

– Илья, проводи меня до конторы, – попросил я. – Бумаги по кристаллам посмотрим.

В конторе я закрыл дверь и сел на край стола.

– Теперь про столицу, – сказал я. – Копия в канцелярии – это сильный ход. Может, лучший за всю поездку. Но задачи такой я тебе не давал.

– Так ведь сработало же! – вскинулся Синицын. – Я сам видел, как Крашенинникова перекосило!

– Сработало. Поэтому я тебя хвалю, а не отчитываю. – Я выдержал его взгляд. – Только услышь меня, Илья. Ты узнал про письмоводителя, заподозрил неладное и принял решение сам, на месте. В этот раз решение вышло верным. А в следующий раз можешь промахнуться, и я узнаю об этом через неделю из газет.

– И что мне было делать? Ворона тебе слать и ждать у моря погоды?

– Именно это. Ворон идёт быстрее поезда. – Я смягчил тон. – Илья, в бумагах и деньгах ты непобедим, я это знаю лучше всех. Потому и прошу. Всё, что укладывается в смету и договор, решай сам, я не встряну. Всё, что меняет наши планы, сначала мне. Даже если придётся ждать ответа сутки.

Синицын посопел, накрутил ус на палец и нехотя кивнул.

– Ладно. Твоя правда, признаю. – Он помолчал и добавил совсем другим голосом. – А про Аткарск ты не передумал? Патент-то ещё не подтверждён. Сам говорил, к отцу моему с пустыми руками нет смысла ехать.

– Передумал, – ответил я. – Поедем, не дожидаясь подтверждения.

– Это с чего вдруг?

– С того, что подтверждения можно ждать четыре месяца. Спроси у Щеблетова, как долго его бумаги в этом ордене лежали. А Павлов свои провёл за трое суток. – Я взял со стола рас-

писку с гербовой печатью. – Ждать милости от совета, где сидит его человек, я не намерен. Приедем с распиской, с копией в столице и с образцами. Для разговора о деле этого хватит.

– И образцы возьмём, – добавил я. – Пузырёк пенициллина, пакет стрептоцида. Военному человеку бумага скажет меньше, чем лекарство, которое остановит нагноение там, где обычное лечение не помогло.

– Показывать будешь на ком?

– Найдём на ком. В гарнизонном лазарете Аткарска раненые не переводятся.

– Отцу хватит, – невесело усмехнулся Илья. – Он в бумагах не силён. Он силён в другом.

– В чём же?

– Магией забьёт до полусмерти, вот в чём. – Синицын сказал это буднично, как о погоде. – Изгнание для него слабость. А телесное вразумление первейшее средство воспитания. Проверено на мне.

– Это как же проверено?

– Обыкновенно. – Илья повёл плечом. – Мне шесть лет, у меня сабля выше меня ростом. Уронил, получил. Поднял неправильно, получил. С девяти лет ближний бой на рассвете, летом и зимой, в любую погоду. Я к двенадцати годам фехтовал лучше гарнизонных офицеров и ненавидел это дело всей душой.

– А потом сказал ему, что пойдёшь в лекари.

– Ага. – Синицын усмехнулся в усы. – Единственный раз в жизни видел, как отец молчит. Целую минуту молчал. А потом сказал, что сын у него умер. Вот с тех пор семь лет так и живём. Он с мёртвым сыном, я с живым отцом, с которым не общаюсь так, будто его и нет вовсе.

– Со мной он чужого человека трогать не станет. Дворянин, ветеран, при свидетеле руки не распустит.

– Я бы на твоём месте так не обольщался, – вздохнул Илья. – Ну да ладно. В понедельник так в понедельник. Семь лет тянул, потяну ещё два дня.

Вечер субботы я решил потратить с толком. Раз уж прибор задуман, собирать его надо было немедленно, пока Павлов печатает хвалебные статьи и почивает на лаврах.

Первым делом я заглянул в кузню.

– Алексей Александрович! – Сергей Петрович расплылся в улыбке и вытер ручищи о фартук. – Никак опять чего хитрое удумали?

– Есть грех, Сергей Петрович. Помните, вы мне линзы для микроскопа точили?

– Как не помнить. До сих пор пальцы помнят, до чего работа тонкая.

– Нужны ещё. Только теперь совсем крохотные, вот такие. – Я показал ему чертёж. – Шесть штук, одинаковые до волоска. Встанут внутрь гибкой трубки, друг за другом.

Кузнец взял чертёж, поднёс к свету и поцокал языком.

– Эка… Это ж почти бисер, а не линзы. – Он глянул на меня поверх листа. – А для чего хоть, позвольте узнать?

– Для трубки, которой можно заглянуть человеку в желудок. Изнутри.

Сергей Петрович провёл рукой, изображая молитву Грифону, подумал и сделал тот же жест ещё раз.

– Чудны дела твои, Грифон… Сделаю, Алексей Александрович. Я вам ещё с прошлого раза любую просьбу должен, помните? Гена мой как заикался, а теперь чище дьячка говорит.

– Здравствуйте, господин Мечников! – подтвердил из-за горна сам Гена, ни разу не запнувшись. Подрос парень, раздался в плечах, молот держал уже по-хозяйски.

– Здравствуй, Гена. Вот у него и спросим. – Я кивнул на чертёж. – Возьмёшься держать оправку, пока наставник точит? Работа на двоих.

– Возьмусь! – просиял парень.

– К утру понедельника будут вам линзы, – заключил кузнец.

– К утру воскресенья, Сергей Петрович. Заплачу вдвое.

– К воскресенью?! – Кузнец крякнул, почесал бороду и махнул рукой. – А, была не была. Ночь длинная, горн горячий. Идите уже, не стойте над душой.

Из кузни я отправился к Шорохову. Он обитал в съёмном флигеле на Московской улице, и дверь мне открыл сам, в фартуке, перепачканном типографской краской.

– Господин Мечников! – обрадовался он. – А я, вообразите, станок расчехлил. Стоял год под холстиной, а нынче рука сама потянулась. Проходите, проходите!

Станок занимал половину комнаты. Чугунная рама, рычаг, кассы со шрифтом. Пахло краской, керосином и почему-то ванилью.

– Вот и славно, что расчехлили. – Я положил на верстак исписанный лист. – Есть работа, Геннадий Фёдорович. Статья. Наука для обывателя, никакой политики. Про то, что болезни желудка бывают разные, лечатся по-разному, и как их будут отличать одну от другой.

– «Отчего болит живот», – прочитал он вслух заглавие. – «Всякий житель губернии хоть раз маялся животом. Но мало кто знает, что под одной и той же болью прячутся болезни разные, и лечатся они по-разному. Порошок, что помогает соседу, вам может выйти боком…» Хм. Хм!

Шорохов пробежал текст до конца. Потом перечитал. Потом посмотрел на меня поверх листа взглядом человека, который всё понял.

– Порошки Павлова, значит… – Он усмехнулся. – Ни фамилии, ни упрёка… но после прочтения покупать их отчего-то не хочется. Тоньше моих статей про императора выходит, господин Мечников. Я рубил сплеча, потому и рублю нынче дрова в Хопёрске.

– Поэтому вы наборщик, а текст мой. Напечатаете?

– Три сотни листов к среде. Бумага, правда, серовата… – Он вдруг спохватился. – Да, чуть не забыл! Вы просили следить за новостями. Нынче утром ворон принёс столичные ведомости. Там объявление на четверть полосы. Лечебница Павлова в Пензе набирает лекарей. Жалованье вдвое против казённого, жильё, лаборатория. Приглашаются, извольте видеть, «даровитые врачеватели со всей империи».

Вот оно что. Владимир Харитонович расширяется. Не хватает ему, видите ли, людей.

– Сохраните мне это объявление, – попросил я. – И все следующие такие же.

– Уже отложил, – кивнул Шорохов. – Я, знаете ли, чутьё на дурные новости имею. Профессиональное.

Резиновые трубки и остальные детали корпуса нашлись в лавках. К сумеркам я разложил всё это богатство на верстаке в сарайчике за домом и позвал Игоря.

– Смотри, – сказал я, расстелив чертёж. – Внутри трубки четыре хода. По первому подаётся вода, промывать стенки. По второму она отсасывается обратно. Третий несёт свет от кристалла. Четвёртый – наш глаз, в нём встанут линзы. Твоя задача вот эта резина. Её нужно прогреть и вытянуть так, чтобы каналы не слиплись и не лопнули. Ровное тепло, без единого скачка. Справишься?

– После реактора-то? – Игорь хмыкнул и завёл над ладонью тонкий язычок пламени. – Ты мне лучше скажи, зачем человеку глотать резину. По доброй воле такое разве проглотишь?

– Запросто, если глотка спит. – Я кивнул на стол, где дремал сытый Токс. – Его яд в малой дозе отключает рвотный рефлекс начисто. Помажем горло, и трубка пройдёт, как по маслу.

Услышав про яд, Токс оживился и с готовностью выставил хоботок. К своей роли аптечного склада он давно привык и, кажется, ею гордился. Я нацедил несколько капель в склянку с раствором и почесал ему спинку.

– Ж-жу, – снисходительно отозвался клещ.

Первая трубка погибла через час. Игорь передержал тепло на ладонь дольше нужного, каналы слиплись, и аршин резины отправился в ведро.

– Тьфу ты. – Игорь виновато встряхнул кистями. – Говорил же, у реактора проще. Там котёл, а тут волосок.

– Он самый, – согласился я. – Вторую веди вдвое слабее, чем первую. И не дыши на неё, дыши в сторону.

Вторая пошла лучше. Мы провозились дотемна. Игорь грел и тянул резину, я собирал корпус и укладывал каналы. Со светом вышло проще. Я вывинтил кристалл из настольной лампы и притащил сюда — вмонтируем его в аппарат как источник света.

– Совсем стыд потеряли, – объявил Доброхот, притащивший нам в сарай горшок с кашей. – Приличные хозяева лампы в лавке покупают. А наши потрошат, что под руку попадётся. Вчера часы, нынче лампа. До самовара доберётесь, я в дом не пущу.

– Доброхот, это для дела.

– У вас всё для дела, – проворчал домовой, но кашу оставил. И даже ложки принёс две. Обиделся, стало быть, не всерьёз. – Заразы, гады, сволочи.

На обзывательства Доброхота я давно не обижался. По его меркам это ещё нежности — обычно он матерился во всю глотку.

К полуночи воскресенья, когда линзы от Сергея Петровича встали в оптический канал, прибор был готов. Тонкая гибкая змея длиной в аршин, с кристальным глазком на конце.

Эндоскоп. Первый в этом мире.

Пока Игорь прибирал верстак, я набросал чертежи для будущей заявки. Два листа. На первом корпус и оптическая система, на втором рабочая трубка с четырьмя каналами. В орден они лягут после испытаний, ни днём раньше. Патентовать прибор, который никто не глотал, я не собирался.

– Красивая штука, – признал Игорь, разглядывая трубку на свет. – И что теперь? На ком пробовать будешь?

– На себе.

– Чего?!

– А на ком же ещё? – Я пожал плечами. – Предлагать другим то, чего не испытал сам, дурной тон. К тому же мне и правда стоит взглянуть на собственный желудок. Полгода на нервах, ночные смены, порошки горстями. Идеальный пациент.

– А если она у тебя там… застрянет? – Игорь с подозрением покосился на трубку.

– Не застрянет. Но ты на всякий случай постой рядом. Будешь тем самым случаем.

Готовились мы обстоятельно. Я снял со стены прихожей зеркало и укрепил его на верстаке, чтобы видеть собственное горло. Рядом поставил плошку с водой, чистое полотенце и склянку с раствором. Игорь на всякий случай приволок ведро.

– Это-то зачем? – усмехнулся я.

– На всякий случай, – мрачно ответил он. – У меня с вашей медициной знакомство короткое, но поучительное.

Я уселся на табурет, прополоскал глотку раствором с ядом Токса и выждал. Через минуту глотка онемела так, что я перестал ощущать собственный язык. Странное чувство. Врачу полезно хоть раз побыть по эту сторону процедуры, вот и пробую.

В прошлой жизни, признаться, я умудрился избежать этого. Да, надо было следить за собой, следовало сдавать анализы и оценивать работоспособность своего организма.

Но… Вышло, как вышло. Видимо, поэтому я и умер. Не уследил за своей же собственной кровью.

Что ж, зато теперь впервые в жизни выполняю гастроскопию. Но уже в совершенно другом мире и другом теле!

Да, бывает и такое…

– Игорь, встань за плечом. Твоё дело простое. Если я потеряю сознание, тяни трубку на себя. Медленно, без рывков. Уяснил?

– Понял, что вы, лекари, все ненормальные, – пробурчал Игорь, но встал куда велено.

Дальше пошла работа, которую я знал по прошлой жизни с другой стороны кушетки. Наклонить голову, подавить дыханием желание тела вытолкнуть чужеродный объект, а затем вести трубку медленно, по стенке. Раз за разом, ладонь за ладонью.

На втором вершке меня согнуло. Спящая глотка пропустила трубку молча, зато пищевод высказался за двоих. Я переждал спазм, глотнул воздуха носом и повёл трубку дальше.

Ощущение оказалось премерзким даже со спящей глоткой. Тело понимало, что внутрь лезет постороннее, и бунтовало всем, чем могло. На лбу у меня выступил пот, глаза заслезились.

Зато в глазке окуляра плыла картинка.

Розовые складки пищевода. Ровные, гладкие стенки, влажно блестящие в свете кристалла. Ниже – кардия, переход между пищеводом и желудком, послушно пропустившая трубку. А за ней сам желудок, весь как на ладони.

Вот ведь зараза… Вообще-то первым я собирался заняться электрокардиографом. А вышло так, что раньше получился аппарат ФГДС.

Ничего, всему своё время.

Я поворачивал трубку, и картинка в окуляре поворачивалась вместе с ней. Вот большая кривизна, вот складки слизистой, разглаженные воздухом. Вот озерцо желудочного сока на дне. В моей прошлой жизни такой обзор давала аппаратура ценой в автомобиль. Здесь его давали шесть линз Сергея Петровича и кристалл из настольной лампы.

Работает. Свет доходит, линзы держат, изображение чистое. Получилось.

Я осмотрел собственный желудок, насколько хватило длины трубки, и кое-что мне не понравилось. По малой кривизне слизистая горела воспалённой краснотой. Пока только раздражение, до язвы далеко. Но желудок уже недвусмысленно намекал, куда я его веду.

Гастрит. Заработал я его честно, ночами и нервами. Вот и первый диагноз, поставленный эндоскопом в этом мире. Самому себе.

Я вытянул трубку обратно и отдышался. Игорь смотрел на меня круглыми глазами.

– Ну? Чего ты там разглядел?

– Внутри у меня небольшая хворь. А возникла она, потому что я сам же забыл собственные советы, – я прополоскал горло и убрал прибор в чехол. – Порошки горстями, да ещё натощак. Вот тебе и результат.

– И всё? Ты глотал резиновую змею только ради этого?

– Я глотал её, чтобы узнать, что прибор работает, – я похлопал по чехлу. – Теперь чертежи, заявка в орден и добровольцы. С понедельника начнём смотреть больных. И вот тогда, дружище, порошки Павлова превратятся из чуда в приложение к нашему прибору. Ключ без замка недорого стоит.

– Мудрёно ты воюешь, – покачал головой Игорь. – Я бы просто в морду дал.

– До этого тоже дойдёт, чует моё сердце. Вернее… Надеюсь, что не дойдёт, но предчувствие у меня совсем нехорошее.

– А добровольцев где возьмёшь? – Игорь кивнул на чехол. – Это ж уговорить надо. Здоровый человек резину глотать не побежит.

– Здоровый и не нужен. – Я убрал чертежи в папку. – У меня в диспансерных списках трое с желудочными жалобами, которых я веду вслепую. Предложу им увидеть свою болезнь глазами. В среду выйдет статья Шорохова, к четвергу о трубке будет говорить весь город. Кто-нибудь да решится. А первый решившийся приведёт десятерых.

– Складно. – Игорь почесал в затылке. – А Павлов твой что на это скажет?

– Надеюсь, что-нибудь громкое. Чем громче он ответит, тем больше народу узнает про прибор, которого у него нет.

Мы прибрались в сарайчике, и Игорь ушёл ночевать на завод, к своему реактору. А я направился в дом, мечтая о позднем ужине и подушке.

В прихожей меня ждали.

Дядя стоял посреди прихожей в шубе и валенках, даже не разувшись. Деревянный протез оставил на половицах мокрый след от самой двери. Доброхот выглядывал из кухни и не встревал. Это само по себе было дурным знаком.

– Ты чего же, прямо с квартиры так и бежал? – Я скинул верхнюю одежду. – Половина города спит уже.

– Побежишь тут, – огрызнулся Олег.

– Дядь? – Я закрыл за собой дверь. – Что опять случилось?

– Стряслось письмо твоего отца, вот что. – Олег остановился и стиснул зубы так, что заходили желваки. – Ворон принёс, час назад. Ты даже не представляешь, что он выдумал. Сына моего решил коснуться…

– Погоди. Он ведь говорил, что хочет помочь Серёже, – напомнил я.

– Помочь! – Дядя хрипло рассмеялся. – Я, дурак старый, ещё радовался. Брат объявился, брат о племяннике вспомнил! Вот, полюбуйся, как он вспомнил.

Он сунул мне измятый лист. Я расправил бумагу и узнал ровный, властный почерк. Александр Мечников писал вежливо, обстоятельно и совершенно непреклонно.

«Забота о будущем мальчика требует решений, к коим вы, по понятным причинам, не способны…» Дальше шло про воспитание, про положение, про честь рода. Слово «отец» применительно к Олегу не встречалось в письме ни разу.

К третьему абзацу у меня похолодели пальцы.

– У него появились планы на моего Серёжу, – глухо сказал дядя. – И они меня совершенно не устраивают.

Глава 4

– У отца планы на Сергея? – нахмурился я, разглаживая лист. – Дядь, погоди. Письмо-то тебе адресовано?

– Мне, мне. – Олег наконец стянул шубу и швырнул её на сундук. – Впервые за девять лет братец мне написал. А я и обрадовался поначалу, дурень старый. Ты читай, только с середины начинай. Начало у него больно уж гладкое, зато потом… Сейчас сам всё поймёшь.

Начало и вправду оказалось выдержанным в лучших традициях рода. Отец справлялся о здоровье, поминал зиму и передавал поклоны. А вот дальше пошло совсем другое.

«Мальчик носит имя нашего отца – Сергея Мечникова. Он появился на свет в день его памяти. Он получил от рождения четыре витка, ровно столько же, сколько было у покойного. Ты волен считать это стечением обстоятельств. Я так считать не могу и не стану».

Я перечитал абзац дважды. Вот, стало быть, где у него заболело.

– Он про совпадения пишет, – сказал я. – Не про магию.

– Про совпадения! – Дядя опустился на скамью в прихожей. – А откуда он вообще про эти совпадения вызнал, а? Кто ему доложил? Про имя, про день, про витки…

– Я и доложил.

Олег осёкся и уставился на меня.

– В Петербурге, – спокойно продолжил я. – Он спрашивал, выжила ли Катя, как прошли роды и что с ребёнком. Я ответил. Соврал бы – он всё равно узнал бы через неделю, только с чужих слов и вкривь.

– И что он?

– Задумался. Сказал, что у мальчика с четырьмя витками должно быть будущее, и попросил тебе пока ничего не говорить. Тогда я ещё не понял, к чему он клонит. – Я щёлкнул ногтем по письму. – Как видишь, теперь понял.

Дальше в письме шло самое важное. Отец сообщал, что намерен принять Сергея Олеговича в род Мечниковых. Не просто дать имя, а ввести полноправным членом, с содержанием, с обучением у столичных наставников, с местом в Академии по достижении возраста.

И одна строка ниже. Решение о принятии в род глава рода принимает единолично. Согласия родителей не требуется. После его подписи указ остаётся провести через канцелярию и зарегистрировать в ордене.

– Вот оно, – Олег ткнул пальцем в ту самую строку. – Дальше уже неважно. Он подпишет бумагу у себя в кабинете, отправит её на регистрацию – и всё. Моего согласия никто даже не спросит. Не украдёт, не отнимет силой. Всё сделает по закону.

– И суд встанет на его сторону, – проговорил я.

– Ещё как встанет. Кто я такой? Изгнанник без рода. Катя простолюдинка. А он глава рода Мечниковых, лекарь с сильными витками и связями в столице. Да любой судья в империи скажет, что мальчику у него будет лучше. – Дядя сжал кулаки. – И ведь скажет правду, Лёша. Вот что паршивее всего.

Он умолк, тяжело дыша. Я слушал, прикидывая варианты.

Итак. Обратным витком бумагу не переломишь. Дуэлью указ не отменишь. Забрать Серёжу и спрятать в лесу можно, только жить в лесу мы будем недолго и невесело. Значит, воевать придётся тем же оружием, каким на нас нападают. Правом.

А право, в отличие от кулака, устроено сложно. И в сложных вещах всегда находится место для манёвра.

– Дядь, – позвал я. – Скажи, ты сам-то как считаешь? Если отбросить обиду. Нужна Серёже защита рода или нет?

Олег вскинулся, набрал воздуха для ответа и вдруг сдулся.

– Нужна, – глухо признал он. – Четыре витка, Лёша. У крестьянского мальчика в уездном городке. Об этом же полгубернии будет судачить. Как подрастёт, к нему такие люди потянутся… Проблем не оберётся.

– Вот и я о том же. – Я сел напротив. – Значит, спорим мы с отцом не о том, нужен ли Серёже род. Спорим о том, где ему при этом расти и кто им распоряжается. А это уже не приговор, это торг.

– Торг? С Александром Мечниковым? – Дядя посмотрел на меня, как на сумасшедшего. – Он не торгуется, племянник. Он распоряжается.

– Со мной он уже научился разговаривать, а не только приказывать. – Я забрал письмо и сложил его вчетверо. – В Петербурге он хотел вернуть меня в род. Я отказался. Он злился, спорил, давил – но выслушал и в конце концов принял мой выбор. Хотя раньше просто приказал бы. Знаешь почему?

– Ну?

– Потому что с человеком, у которого своё дело и своё имя, разговаривают. А с изгнанником без гроша распоряжаются. Он уже начал менять своё мнение обо мне. Значит, есть шанс его вразумить. – Я поднялся. – Ответ ему напишу нынче же. Предложу следующее. Серёжа получает имя, содержание и покровительство рода. И остаётся здесь, с вами. Учиться будет у меня, а после поедет в Саратовский университет, а не в столичную Академию.

– И он согласится? – недоверчиво прищурился Олег.

– Пока нет, – честно сказал я. – Ему сейчас незачем со мной считаться. Значит, я сделаю так, чтобы стало зачем.

– Это как же?

– Обыкновенно. Несколько патентов уже у меня на руках. Скоро будет ещё один – на прибор, которого нет ни у кого в империи. Завод растёт, моя наука распространяется, в газетах моё имя мелькает чаще, чем мне самому хотелось бы. – Я загибал пальцы и следил, как у дяди понемногу распрямляется спина. – Отец – человек родовой. Он меряет людей их весом. Пока я для него сын-неудачник, сосланный в глушь, он подписывает бумаги через мою голову. А когда я стану главой собственного дела, с которым в столице считаются, он сядет за стол и начнёт слушать.

– И сколько тебе на это понадобится?

– Сколько понадобится, столько и займёт. Подписать указ он может хоть завтра. Но одной подписи мало: бумагу ещё придётся провести через канцелярию и орден. Пока её зарегистрируют, у нас есть время. Немного, но есть.

Дядя долго смотрел на меня, а потом сипло хмыкнул и вытер лицо ладонью.

– Клуб изгнанных Мечниковых заседает, – проворчал он. – Ладно. Ты у нас голова, тебе виднее. Только скажи, что мне-то делать? Я ведь сидеть сложа руки не умею.

– А придётся. Выждем. Посмотрим, каков будет его следующий шаг. А пока… – я кивнул в сторону лестницы, – переезжайте обратно в особняк. Все трое. Сегодня же.

Олег насупился.

– Мы уж привыкли на квартире-то. Тесно, зато спокойно.

– Дядь, ты меня слышал? Отец подпишет указ и пришлёт человека с бумагой. Человек этот придёт по адресу. Так вот, я хочу, чтобы адрес был мой. Чтобы, когда в дверь постучат, за этой дверью стоял я, а не Катя с ребёнком на руках.

Возразить ему было нечего. Он покряхтел, повздыхал и сдался.

– Ох… Разорвись моя порченая печень. Твоя правда. Завтра перевезёмся.

– Сегодня.

– Ладно! Нынче так нынче!

Перевозить, к слову, оказалось почти нечего. К полуночи дядино семейство обосновалось на втором этаже, и дом сразу ожил. Катя развесила пелёнки у печи и принялась хлопотать на кухне, будто никуда и не съезжала.

– Катюша вернулась! – Доброхот носился по половицам от восторга. – Хозяин, ты гляди, она щи варить будет! Настоящие! А то жуёшь свои сухари всухомятку, глядеть тошно!

Катя выглянула из кухни, вытирая руки о передник.

– Лёшенька, а чего это Олег такой смурной ходит? С обеда слова доброго не сказал.

Я на мгновение задержался с ответом. Про письмо она не знала, и дядя явно решил ей не говорить. Как в своё время не сказал, куда на самом деле пропадал их сын.

– Заводские дела, Катя. Бумаги не сходятся, вот он и злится.

– А, бумаги. – Она сразу успокоилась и махнула рукой. – От бумаг у него всегда живот схватывает. Садись, я щей налью.

– Ж-жу! – поддакнул Токс и на всякий случай перетащил дядины валенки в шкафчик.

– А эту животину от сына подальше держите, – проворчал Олег, косясь на клеща. – У него лапы с мою ладонь.

– У него ещё и яд, между прочим, – заметил я. – Лучшее обезболивающее в губернии. Скажи спасибо, что в родне у нас такой полезный зверь.

Токс приосанился и с достоинством пошевелил лапами.

Письмо отцу я писал долго. Порвал два черновика.

Первый получился слишком горячим. Второй – слишком сухим. С третьей попытки получилось то, что нужно.

Я поблагодарил за заботу о мальчике и согласился, что четыре витка требуют покровительства рода. А дальше изложил свои условия. Имя и содержание принимаю с благодарностью. Столичных наставников отклоняю, потому что наставник у мальчика уже есть, живёт в двух шагах и кое-что смыслит в лекарском деле. Академию отклоняю тоже. Саратовский университет ближе.

И последняя строка, над которой я думал дольше всего.

«Через месяц о моём приборе будет говорить вся губерния. Прежде чем подписывать указ, дождись этого срока. Полагаю, тебе будет интереснее говорить с человеком, у которого есть что предложить роду, чем с сыном, которого ты однажды вычеркнул».

Пусть подумает.

Хоть в роду я и не состою, зато фамилию ношу ту же. И слава о моих изобретениях автоматически коснётся и столичных Мечниковых.

Дописав, я долго сидел у окна. Особняк вокруг поскрипывал, укладываясь спать, снизу тянуло щами, а наверху Катя тихо напевала сыну. Дом стал полным.

Вот и хорошо. Полный дом защищать легче, чем пустой.

Наутро мы с Ильёй сели в поезд до Аткарска.

Вагон второго класса, жёсткие лавки, промёрзшее окно, за которым тянулась белая степь. Синицын всю дорогу молчал, дёргал ус и был так не похож на себя, что я даже забеспокоился.

– Илья, ты живой там?

– Живой, – буркнул он. – Просто прикидываю, с чего начать разговор. Семь лет прикидывал, а всё никак не придумал, с чего начать.

– Начинать буду я. Твоё дело стоять рядом с приличным лицом.

– Приличное лицо я обеспечу, – мрачно пообещал Синицын и снова уставился в окно. Помолчал с версту и вдруг добавил: – Мать бы обрадовалась, что я приехал. Она у нас одна умела с ним говорить.

– Давно её нет?

– Девять лет. – Илья пожал плечами. – Потому и не умею я с ним разговаривать, Алексей. Между нами всю жизнь стояла она. А как её не стало, оказалось, что общего языка у нас с отцом отродясь не было.

Я достал из кармана записку, полученную вчера от Щеблетова, и перечитал её ещё раз.

Решил я через него поинтересоваться насчёт деталей для ещё одного своего изобретения. Гастроскоп-то я собрал, а вот до электрокардиографа руки пока не дошли.

Но это я уже начал исправлять.

Александр Анатольевич писал коротко и по делу. Мастер, работающий с электрическими кристаллами, в Саратове имеется. Лавка на Немецкой улице, вывеска с молнией, хозяин по фамилии Захаров. Человек, по слухам, странный и с законом не в ладах, зато делает то, чего в губернии не делает больше никто.

За окном потянулся лес, и я невольно поискал взглядом дорожные знаки вдоль насыпи. Привычка осталась с осени, когда мы вытаскивали поезд из портальной петли. Знаки стояли целые. Ни царапин, ни меток. Уже хорошо.

Неизвестно только, куда делось то существо, из-за которого мы тогда застряли. О нём я больше не слышал ни разу, но почему-то был уверен, что рано или поздно оно снова даст о себе знать.

Я сложил записку и посмотрел на проплывающие мимо столбы.

Аткарск лежит ровно на полпути между Хопёрском и Саратовом. Час до него, ещё час с небольшим после него – до Саратова. Возвращаться домой, а через день ехать этой же дорогой снова, было бы верхом расточительства.

Значит, порядок такой. Сначала барон и кристаллы для завода. Потом Саратов и мастер. Электрические кристаллы для кардиографа сами себя не выточат. А сердце у меня одно, и оно уже показало, на что способно.

Я мысленно проговорил список деталей. Гальванометр, струна, катушки, лента для записи, соляной раствор для электродов. Половину сделает Сергей Петрович, половину придётся заказывать. Только всё это железо мертво, пока в нём не заработает кристалл, дающий ровный и стабильный ток.

Всё упирается в Захарова. Отлично, когда задача упирается в одного человека. Такого можно уговорить, купить или заинтересовать.

– Приехали, – Синицын поднялся и одёрнул полы шинели. – Добро пожаловать в Аткарск, Алексей. Полюбуйся на мою родину!

Любоваться, признаться, было особо нечем.

Хопёрск на фоне Аткарска выглядел столицей. Тысячи две с половиной жителей, кривые улочки, соломенные крыши, засыпанные снегом по самые окна. Половина домов кособочилась так, что я невольно прикинул, сколько переломов даёт в год обрушение кровель.

Зато в центре города картина менялась разительно. Там стояли добротные кирпичные здания, а над крышами торчали трубы.

– Наши, – без всякой гордости сказал Илья. – Два кирпичных завода, три мельницы, мыловарня. Всё отцовское.

Я присвистнул про себя. Два кирпичных завода. У меня на расширение лаборатории кирпича вечно недостаёт, а тут его делают в двух шагах.

– Илья, а отец твой кирпич куда сбывает?

– В Саратов возит, куда же ещё. Тут его брать некому. – Синицын покосился на меня и прищурился. – Погоди-погоди. Ты чего это удумал?

– Ничего пока. Просто складываю картинку.

– Складывай, складывай, – проворчал он. – Только имей в виду, отец за копейку удавится. Он мне в детстве за сломанную саблю три месяца припоминал.

Усадьба барона стояла на отшибе, за высокой оградой. И тут я впервые понял, что Илья не преувеличивал, рассказывая про отцовский нрав.

Дом окружали четыре приземистые каменные башенки. Между ними тянулась стена в полтора человеческих роста, поверху утыканная железными шипами. Ворота были окованы полосами и снабжены смотровым окошком. Всё это великолепие торчало посреди мирного заснеженного городка, где самым опасным зверем была соседская собака.

– Крепость, – заметил я.

– Она самая. – Илья скривился. – Отец говорит, война всегда ближе, чем кажется. Он и мельницы свои обнёс стенами. Мукомолы, поди, до сих пор гадают, от кого их обороняют.

Из окошка в воротах на нас уставился глаз. Потом окошко захлопнулось, лязгнул засов, и створка отворилась.

– Илюшка! – На пороге стоял детина в тулупе и при сабле, ровесник Ильи, широкий в кости и румяный с мороза. – Ты, что ли? Ты!

– Здорово, Влад, – заулыбался Синицын.

Илья сразу же представил мне незнакомца. Им оказался Владислав Опрелов, давний друг Синицына. Он сгрёб моего компаньона в охапку и стиснул так, что у того хрустнули рёбра.

– Семь лет! Семь лет, паршивец! – приговаривал он, тряся моего компаньона. – А усы-то отпустил! Плохие, правда, жиденькие.

– Хорошие у меня усы! И вообще… Зато свои, – просипел Илья. – Пусти, задавишь.

– Прошу прощения, сударь, – Опрелов тут же перевёл взгляд на меня. – Илья Андреевич меня-то вам представил, а вас не назвал.

Ничего удивительного, Синицын сегодня соображает туго.

– Алексей Александрович Мечников, – представился я. – Лекарь из Хопёрска. Мы к барону по делу.

Опрелов оглядел меня с ног до головы, закивал и посторонился.

– Лекарь, значит. Это хорошо. Это вы вовремя.

– Что так? – насторожился я.

– Да ничего. – Влад сразу закрылся, будто сболтнул лишнее. – Андрей Константинович у нас крепкий, его и оглоблей не убьёшь. Только нынче он не в духе, так что вы поаккуратнее. Проходите, чего на морозе стоять.

– Влад, – окликнул его Илья. – А Дмитрий тут?

– Дмитрий дома, – вздохнул Опрелов. – Ты, Илья, к нему спиной не поворачивайся. Сразу скажу, не знаю, рад ли он будет тебя видеть.

Улыбка сползла с лица Синицына мгновенно.

Дмитрий Андреевич Синицын обнаружился посреди двора. Старший брат Ильи оказался на голову выше его и вдвое шире в плечах, с тяжёлой челюстью и совершенно неподвижным лицом.

Он дождался, пока мы подойдём, и коротко ударил Илью в челюсть. Ни слова, ни замаха.

Синицын отлетел в сугроб.

Моя левая рука налилась знакомым жаром сама собой, прежде чем я успел подумать. Обратный виток. Причём единственный. Лекарские витки я в него не перекидывал.

Я разжал пальцы и повернул ладонь к Дмитрию. Тот движение заметил.

– Расслабьте руку, – негромко сказал он. – Почувствую, что колдуете, и кисть вам уже никакая лекарская магия обратно не пришьёт.

– Ошибаетесь, Дмитрий Андреевич. Пришить руку я как раз умею, это моя прямая специальность. – Руку я не убрал. – Меня зовут Алексей Мечников, я приехал говорить с вашим отцом о деле. Вашего брата привёз с собой. Если у вас есть претензии, они ко мне.

– Претензии у меня к нему. Семь лет.

– Семь лет он не приезжал, потому что боялся именно этого. – Я кивнул на сугроб, из которого выбирался Илья, отплёвываясь снегом. – Вы, Дмитрий Андреевич, только что подтвердили, что боялся он не зря. Поздравляю. Вы только что прекрасно показали, почему брат семь лет сюда не возвращался.

Челюсть у Дмитрия дёрнулась. Он молчал долго, секунд пять.

– Складно говорите, – наконец произнёс он. – Илья, вставай. Хватит валяться.

– Спасибо, братец. – Илья выбрался из сугроба и потирал скулу. – Я тоже соскучился.

– Отец знает, что ты должен был приехать? – нахмурился Дмитрий.

– Скоро узнает.

– Отец тебя то и дело вычёркивает из всех родовых книг. Все эти годы. – Дмитрий смотрел куда-то поверх наших голов. – А потом вписывает обратно. Я сам видел. Так что разговор тебе предстоит не проще, чем со мной.

Илья замер с ладонью у скулы. Хорош разговор! Двое братьев, которые за семь лет разучились говорить.

Договорить нам не дали.

Воздух над двором дрогнул, и от земли за оградой оторвался камень. Гранитный шар размером с добрую бочку неспешно поднялся выше стены, завис над нашими головами и медленно повернулся вокруг своей оси.

Я задрал голову. Внутри всё сжалось – несколько тонн гранита над головой к спокойствию не располагали.

– Отец, – негромко пояснил Илья. – Здоровается.

– Своеобразно.

– А то.

На балконе второго этажа стоял старик. Невысокий, кряжистый, в накинутой на плечи шинели, седой как лунь. Правая рука вытянута ладонью вниз. Даже отсюда было видно, что он совершенно не напрягается.

Шар пролетел над двором, забирая в сторону, и рухнул в сугроб у конюшни.

БУМ.

Земля вздрогнула. С крыш посыпался снег, лошади в конюшне заржали. От места падения по двору побежала мелкая рябь.

– Явился, – сказал старик с балкона. Голос у него оказался сухой и очень ровный. – Наверх. Ты, лекарь. Один.

Илья шагнул было за мной, но Дмитрий толкнул его ладонью в грудь.

– Отец сказал, войти может только Мечников. Ты ждёшь здесь.

– Оно и к лучшему, – хмыкнул Илья. – Тумаков меньше достанется.

– Я бы на твоём месте так не радовался, – ответил брат.

Синицын поймал мой взгляд и коротко кивнул. Мол, иди, я тут сам.

И ведь управится. Фехтует он лучше, чем считает деньги, а считает он хорошо.

Кабинет барона я бы принял за продолжение его двора. Голые стены, простой стол, два стула, на полке ровным строем книги по фортификации. Никаких портретов, ковров и прочих излишеств.

Андрей Константинович Синицын сел за стол и уставился на меня в упор. Вблизи он оказался куда старше, чем виделся с балкона. Лет семьдесят, не меньше. Ростом мне по плечо, зато в плечах шире меня вдвое. Кожа сухая, пигментные пятна на кисти. Спина прямая. Взгляд тяжёлый и умный.

– Мечников, – проговорил он. – Тот самый. Обратное лекарство, суд, некромант. Наслышан.

– Слухи бегут быстрее поезда, Андрей Константинович.

– В моём возрасте только слухами и живёшь. – Барон качнул головой в сторону стула. – Садись и излагай своё дело. Покороче, я не люблю долгих разговоров.

– Мне нужны стабильные стихийные кристаллы. Ледяные и огненные, шесть штук, в соотношении один к двум. На вольном рынке таких нет, они идут только к военным. У вас, как я слышал, половина военных чинов губернии в должниках.

– Слышал он. – Барон побарабанил пальцами по столешнице. – А взамен?

– Первая партия нового препарата армии. Даром. Он останавливает нагноение ран.

– Нагноение. – Старик усмехнулся сухо, одними губами. – Знаешь, лекарь, сколько я похоронил людей, которым отняли ногу, а они всё равно сгнили заживо в лазарете? У меня за сорок лет службы рот пять так ушло. От самих ран умирала треть, остальные догнивали.

– Знаю примерно. Потому и говорю про даром.

– Складно. – Он подался вперёд. – А чем докажешь, что это не порошок от живота, перекрашенный в белый цвет?

– Ничем. Поэтому предлагаю проверить. У вас в Аткарске гарнизонный лазарет. Дайте мне троих с гнойными ранами и оформите это как испытание препарата при гарнизонном лазарете. Под вашу ответственность и с записью в журнале. Три дня, и вы увидите сами. Если не сработает, я уеду и больше вас не побеспокою.

Старик молчал, разглядывая меня.

– А сын мой тебе зачем? – вдруг спросил барон. – Обузу с собой таскаешь. Он и в детстве был обузой. Саблю поднять не мог, ныл, что тяжёлая.

Ага. Вот оно, начинается. Проверка на прочность, старая как мир. Оскорби близкого человека и посмотри, что сделает гость.

– Андрей Константинович, – сказал я ровно. – Ссориться с вами мне незачем, дело у нас общее. Поэтому скажу один раз. Илья Андреевич мой компаньон и совладелец дела, которое кормит полсотни семей. Он ведёт всю нашу бухгалтерию и переиграл в Саратове чиновника, купленного нашим конкурентом. Обузой я его не считаю. И обсуждать его в таком тоне не могу. Это против моих принципов.

В кабинете стало очень тихо.

Барон медленно приподнял седую бровь.

– Смотри-ка, – произнёс он. – Гавкнул.

Пока барон говорил, я его разглядывал. Привычка эта у меня неистребимая, врачебная. Одышка при разговоре, короткие фразы на одном выдохе. Ногти с синеватым отливом. Отёчные веки. Пальцы, которые он то и дело растирает, будто мёрзнут.

Передо мной сидел семидесятилетний геомант, только что удерживавший на весу несколько тонн гранита. А сердце расплачивалось за это из последних сил.

Спросить бы его про грудную боль. Только такие старики на подобные вопросы отвечают одинаково, и ответ этот к медицине отношения не имеет.

– Зачем же так грубо? – хмыкнул я. – Не гавкнул. Обозначил границу.

– Одно и то же, только словами разными. – Уголок его рта дрогнул. Кажется, это следовало считать улыбкой. – Ладно, Мечников. Кристаллы у меня будут. Полдюжины, и даже больше, если попросишь. А теперь слушай мою цену, потому что даром я не даю даже сыновьям…

Он не договорил.

Правая рука барона взлетела к горлу, лицо побагровело, и старик всей своей прямой спиной повалился набок, увлекая за собой стол.

Глава 5

Андрей Константинович захрипел и попытался что-то сказать. Не вышло. Он сгребал воздух правой рукой и не мог протолкнуть его в грудь.

Я рванул к нему через опрокинутый стол, и в ту же секунду в кабинет ворвались стражники.

Откуда они взялись, я так и не понял. За всё время разговора мне казалось, что в особняке нет никого, кроме нас четверых.

– Что… Что ты сделал с господином Синицыным?! – проорал первый.

– Пустите к нему, я лекарь. Каждая минута на счету, – настоял я.

– Не двигайся!

Остриё копья замерло у меня над сердцем. Двое с саблями встали за спиной у первого.

Барон снова прохрипел что-то. Я готов был поклясться, что он сказал «пустите». Стражники не расслышали.

Зато услышала клятва лекаря.

Она навалилась на меня всей тяжестью, стянула грудь и потянула вперёд, к человеку, который просил о помощи и не мог её получить. Спорить с ней бесполезно, я это давно выяснил.

Я быстро прикинул расклад. Копейщик впереди, двое сзади. Витков у меня четыре лекарских и один обратный. Перекинуть лекарские в обратные я не могу, платформа осталась дома, в Хопёрске.

Один обратный виток на троих. Негусто.

– Быстро говори, что случилось с нашим господином, иначе твоё сердце будет на моём копье, – процедил стражник. – Слово даю.

Слово он даёт. Болван!

– Как тебя звать? – спросил я.

– Чего?!

– Имя, говорю. Хочу знать, чьё имя назвать Дмитрию Андреевичу, когда он спросит, из-за кого умер его отец.

Копьё дрогнуло. Совсем чуть-чуть, но я заметил.

– Кузьма, – буркнул стражник. – И ты мне зубы не заговаривай.

– Кузьма, послушай меня внимательно. Твой барон сейчас задыхается. Не от яда, я к нему пальцем не притронулся. Через шесть минут он умрёт при трёх свидетелях, которые не пустили к нему лекаря.

– Врёшь.

Ну что ж. Значит, решать вопрос придётся по-другому.

Первым делом я направил лекарскую магию в собственное сердце. Улучшил обмен, укрепил проводящие пути, подготовил мотор к тому, что сейчас будет. Учёный уже. Наступал на эти грабли позавчера.

И только после этой подготовки я ударил обратным витком.

Я шагнул вперёд, пропуская наконечник копья вдоль рёбер, и перехватил древко. Железо скользнуло по коже над сердцем, обожгло болью. Ладонь легла на запястье стражника.

Спазм. Руки у него отнялись, глаза закатились, и он мягко осел на пол.

Двое сзади бросились ко мне. Фехтовать с ними бесполезно. Их с детства натаскивал Андрей Синицын, а я против них мальчишка с парой месяцев уроков от Ильи.

Зато я мог кое-что другое.

Я резко усилил кровоток в мозге обоих. Не обратным витком, а прямым, лекарским. Слишком много крови в мозгу так же плохо, как слишком мало. Нервная ткань не успевает подстроиться, и человека ведёт.

Обоих качнуло. Доли секунды мне хватило. Я шагнул вплотную, коснулся левой рукой одного, потом второго, и оба сползли по стене.

Третий спазм сонных артерий подряд выжрал обратный виток досуха.

Расплата пришла ко мне немедленно. В груди дёрнуло, потом ещё раз, и сердце пустилось вскачь, сбиваясь через удар. Голова поплыла.

Терпимо. Я к этому уже почти привык.

Со двора донёсся звон стали. Ни с чем не спутаю. Два клинка, частый обмен – кто-то дерётся всерьёз.

Ага. Значит, братья во дворе всё-таки сцепились. Оставил я их наедине, называется.

Илья справится. Он вредный, Дмитрий – озлобленный. Вредные живучее.

Я перешагнул через стражника и опустился на колени рядом с бароном.

Вот теперь смотрим внимательно.

Ещё в начале разговора я поставил ему рабочий диагноз. Одышка на короткой фразе, синеватые ногти, отёчные веки. Сердечная недостаточность – таких случаев я в прошлой жизни видел сотни.

Только картина была неполной. Не хватало главного, а чего именно, я тогда сформулировать не успел.

Теперь понял, в чём тут дело. Ситуация гораздо сложнее, чем мне показалось на первый взгляд.

Барон дышал часто и поверхностно, кашлял и сплёвывал розовую пену. Правой рукой он держался за бок, а вовсе не за грудину. Человек с приступом стенокардии так себя не ведёт.

Я скинул сумку, выдернул фонендоскоп и приложил к грудной клетке.

Слева дыхания я не услышал вовсе. Справа оно шло с трудом. Зато тоны сердца были ровными, частыми. По крайней мере нынешний приступ шёл не от сердца – оно просто пыталось компенсировать нехватку кислорода.

Я осторожно прошёлся пальцами по грудной клетке слева, и под кожей у меня захрустело. Крепитация. Так трутся друг о друга обломки кости, и спутать этот хруст нельзя ни с чем.

Рёбра. С третьего по шестое. Все четыре сломаны и смещены внутрь.

Что за чертовщина?

Старик минуту назад сидел за столом и разговаривал со мной. Никто его не бил, ниоткуда он не падал, и в кабинете, кроме нас двоих, не было ни души. Рёбра у сидящего человека сами по себе не ломаются. Тем более четыре сразу.

Ладно. Причину выясню после, сейчас есть дело поважнее.

Гемоторакс и пневмоторакс разом – вот что я слушал. В плевральную полость попала и кровь из разорванных сосудов, и воздух через дыру в лёгком. Давление в грудной клетке сравнялось с наружным, и лёгкое просто сложилось, как бумажный пакет.

Дыхание держится на разнице давлений. Убери разницу, и человек задохнётся, сколько бы воздуха вокруг ни было.

Семь минут. Столько протянет мозг, если перестанет получать кислород. Часть этих минут я уже потратил.

– Тише, Андрей Константинович. Сейчас поправим. Дышите неглубоко и часто, глубоко не пытайтесь.

Он попытался кивнуть.

– Больно будет, – предупредил я. – Очень. Кричите сколько угодно, мне это не помешает.

Барон поймал мой взгляд и медленно, отчётливо мотнул головой.

Понятно. Кричать он не собирается, потому что за дверью сыновья.

– Тогда закусите вот это.

Я свернул жгутом свой шарф и вложил ему между зубов.

Лечить начал с костей, иначе обломки при первом же движении дорвут то, что осталось от лёгкого. Я собрал рёбра лекарской магией и повёл на место.

Барон замычал сквозь шарф. Говорить он не мог. Звук выходил такой, что у меня свело зубы. Склянку с ядом я оставил дома вместе с Токсом.

– Терпите, – сказал я. – Вы и не такое терпели.

Кость срослась.

Руки мои делали привычное дело, и голова моя наконец вернулась к отложенному вопросу. Из-за чего они сломались?

Яд? Ядов, дробящих кости за минуту, попросту не бывает. Проклятье? Некротикой в кабинете и не пахло, я бы её почуял. Падение? Он рухнул уже после того, как захрипел. Да и упал на бок. Рёбра же сломаны спереди.

Стоп.

Я вспомнил Андрея Бахмутова, который задыхался в поезде после того, как надорвался магией воздуха. Аэроспазм. Родовая болезнь Бахмутовых, плата за силу.

Вспомнил я и Рокотова с его электроэпилепсией. Принцип тот же. Маг молний, перегрузивший каналы, получает удар по нервной системе.

Правило это я вывел давно, и работает оно у всех сильных родов. Сила бьёт по носителю, и бьёт туда, где сама живёт.

А передо мной геомант. Магия камня. Что в человеческом теле ближе всего к камню?

Кости. Кальций, фосфаты – лучшей мишени для магии земли не придумать.

Вот и ответ. Барон весь день гонял магию, а под конец поднял над двором гранитный шар в несколько тонн. Чтобы покрасоваться перед сыном, которого не видел семь лет. Каналы не выдержали, и удар пришёлся туда, куда приходится у всех геомантов. По скелету.

Красуясь перед Ильёй, старик переломал себе рёбра.

Так, продолжим…

Дальше плевра, тонкая двойная оболочка, которая выстилает лёгкое снаружи и грудную клетку изнутри. Я восстановил её герметичность, и воздух перестал сочиться в полость.

Мало. В плевре уже стояла кровь, а через полчаса в ней завяжется фибрин, и лёгкое прирастёт к стенке спайками. Дышать полной грудью барон после такого не будет никогда.

Значит, кровь надо убрать сейчас.

Я резко усилил кровообращение, заставив сосуды вымыть кровь из полости обратно в русло. Всё лишнее из полости ушло обратно в кровоток, где ему и место.

– Спасибо… – прошипел барон.

– Рано.

Собственное сердце к этому моменту молотило за полтораста ударов в минуту. Прекрасный показатель для бегуна на середине дистанции. Отвратительный для человека, который лежит на полу и не двигается.

Оставалось затянуть ткань самого лёгкого. Я довёл дело до конца, отнял руки и тут же полез в сумку за склянкой.

Порошок из растения Ксанфия обжёг горечью язык. Я сел на пол, привалился спиной к перевёрнутому столу и стал ждать, когда бета-блокатор возьмёт своё.

Славно съездили за кристаллами, нечего сказать.

Барон завозился, кряхтя, и сумел сесть. Больше ни на что его не хватило. Он выплюнул шарф, повёл в мою сторону мутными глазами, шевельнул губами и, кажется, задремал прямо сидя.

Я поднялся, прислушался. Звон стали во дворе не прекращался.

Картина во дворе оказалась достойна отдельного диагноза. Десяток солдат кольцом стоял вокруг двух братьев и с интересом наблюдал за поединком. Их барон помирал этажом выше, а они любовались фехтованием.

Илья и Дмитрий кружили по утоптанному снегу. Шинели оба скинули, оба взмокли, и дрались оба всерьёз.

– Остановитесь! – рявкнул я, вложив в крик остатки сил.

Братья замерли. И тут выяснилось интересное. Клинки их остановились одновременно, и оба остриём упирались в шею. Илья почти достал Дмитрия, а Дмитрий его.

Хорошая школа. Барон вырастил обоих.

– Ну что же вы медлите, – сказал я. – Вспорите друг другу глотки. Ваш отец как раз загибается в кабинете, самое время.

Несколько солдат разом обнажили сабли и шагнули ко мне.

– Что ты сказал? – прошептал Дмитрий.

– Сказал, что ваш отец чуть не умер от перегрузки магических каналов. Я его вытащил. – Я обвёл взглядом окружившее меня железо. – А если вы не прикажете своим людям убрать оружие, они сейчас зарежут единственного лекаря, который знает, что с ним делать. Вас такой расклад устраивает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.